

ДМИТРИЙ РОМОВ



ЦЕХОВНИК

# Дмитрий Ромов

## Цеховик. Книга 2

### Движение к цели

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70197010](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70197010)*

*SelfPub; 2023*

#### **Аннотация**

Новая жизнь стала реальностью. Я осмотрелся и освоился, стал обычным советским старшекласником. Правда, я знаю то, что никто больше не знает. Так что пора двигаться дальше. Пусть я песчинка в жерновах истории, но ведь зачем-то я попал в прошлое! Значит нужно не просто наслаждаться юностью, а попытаться сделать что-то важное, тем более, примеры мне известны. Главное, правильно выбрать цель и идти прямо к ней!

# Дмитрий Ромов

## Цеховик. Книга 2

### Движение к цели

Дмитрий Ромов

**Цеховик. Книга 2. Движение к цели**

Аннотация.

Новая жизнь стала реальностью. Я осмотрелся и освоился, стал обычным советским старшеклассником. Правда, я знаю то, что никто больше не знает. Так что пора двигаться дальше. Пусть я песчинка в жерновах истории, но ведь за чем-то я попал в прошлое! Значит нужно не просто наслаждаться юностью, а попытаться сделать что-то важное, тем более, примеры мне известны. Главное, правильно выбрать цель и идти прямо к ней!

#### **1. Это, как раз, самое начало**

Лида машинально берёт кассету из моей руки и не понимая на неё смотрит.

– Что это? – гневно спрашивает она.

– Всё, что на сегодняшний день является наиболее важным. Здесь аудиозапись, подтверждающая, что вы использовали половые сношения с несовершеннолетним подростком

для того, чтобы выжать из него показания и сфабриковать дело против честных людей, самоотверженно работающих на благо нашей советской Родины.

– Что?!

– Кассету можете оставить себе, у меня есть ещё несколько экземпляров. Могу, кстати передать один в горком партии. Вот прямо Ефиму Прохоровичу и передам. Пусть и там узнают, какие методы практикует наша доблестная милиция чтобы дискредитировать честных тружеников и, в частности, майор Баранов.

– Разумеется, – соглашается Ефим Прохорович. – Мы на ближайшем же заседании рассмотрим этот вопрос. Я думаю, первый секретарь проявит большой интерес, если так можно выразиться. А как работает майор Баранов видно и невооружённым глазом. Как птицу. По полёту.

– И в Комитет Государственной Безопасности есть что передать, – забиваю я новый гвоздь в гроб Баранова. – Они уж точно будут восхищены работой коллег из ведомства товарища Щёлокова.

– Товарищ майор! – восклицает Лида. – Это не...

– Пошла вон! – коротко бросает он.

– Но это не может бы...

– Вон! – орёт он и, поискав глазами помощника, добавляет. – Ивашук, операцию прекратить. Всем немедленно покинуть здание!

– Ответственные товарищи собираются в выходной

день, – гнёт своё Ефим Прохорович, – жертвуют своим личным временем для того, чтобы наградить передовиков советской торговли!

Он достаёт из развороченного портфеля красный вымпел и подаёт его Гусыниной.

– Поздравляю, Любовь Петровна, ваш коллектив признан победителем месячника образцового обслуживания покупателей. Вот при каких обстоятельствах приходится вручать. Но ты-то не виновата. Здесь и директор райпродторга присутствует, но товарищу Баранову всё это глубоко до п\*ды. Вы уж простите за прямоту, товарищи. Он нарушает законность и ему всё нипочём. Партбилет положишь! – вдруг резко повышает он голос, – Под суд пойдёшь! Ты не советский милиционер! Ты... ты...

– Оборотень в погонах, – подсказываю я.

– Вот именно! – соглашается Ефим Прохорович. – Оборотень в погонах! Ладно, мы с тобой ещё поговорим. Потом. Иди пока. Займись личным составом, майор.

Если бы нужно было изображать Ефима Прохоровича в кино, то лучше, чем Олег Табаков, его никто бы не исполнил. Я прямо наслаждение получаю, представляя это.

– Мы, конечно всё тщательно проверим, – не говорит, а практически лепечет майор. – И запись прослушаем, но Лейтенант Пирогова, считайте уже уволена. А по результатам проверки, если подтвердится связь с несовершеннолетним...

– Только вот торопиться не нужно – перебивает Ефим. – Начальник должен воспитывать, а не карать. Так что воспитывай. Как только уволишь, кассета сразу в КГБ пойдёт. Понял? Ну вот, иди пока, думай, как дальше жить будешь.

Ну и жук ты, Ефим Прохорович. Ну и проныра. Пропал майор со своей любовницей Лидой. Теперь до погоста будет на крючке болтаться. А там, как баблом повяжут, Лидка не нужна станет. Судить никто её не будет. Выпнут под зад и всё. Поедет к родителям в деревню в худшем случае. Хотя на самом деле, это лучшее, что с ней могло бы произойти. Подальше от соблазнов, поближе к коровьему вымени. Глядишь, ещё и человеком станет, замуж выйдет, осчастливит какого-нибудь зоотехника.

– Ну что, – говорит повеселевшая Любовь Петровна, когда майор уходит, – к столу?

Она подходит к двери и кричит:

– Зина, накрывай!

– А ты молодец, – говорит Ефим Прохорович, подходя ко мне. – Ловко всё обставил. Как шахматист. Настоящий гроссмейстер. Не только угрозу отвёл, но ещё и пользу нам принёс. Теперь этот майор... Ну, неважно. Ты мне скажи, ты комсомолец?

– Да, комсомолец.

– Молодец. Надо тебя будет продвинуть по этой линии. Ты общественной деятельностью занимаешься?

– Ага, комсорг школы. Я.

– Вот! – расцветает он. – Молодец! Сразу видно наш человек, настоящий комсомолец.

А вот тут ошибочка. Не ваш я. И не сдал я вас хитрожопых и прожорливых чинуш только из-за Платоныча, да немного из-за тёти Любы. Простая хорошая баба она, не гнилая. А ещё потому, что Лидка сука беспринципная. Нет, не беспринципная, а неразборчивая в средствах и нечистоплотная. Бесануло меня.

Ну а ты, товарищ Ефим, судя по всему вообще дерьма кусок. И что у тебя в голове творится, если ты пособника хапуг и ворюг называешь настоящим комсомольцем? Подгнило что-то в Датском государстве. И в советском тоже. Твою же за ногу.

Чувствую себя как между молотом и наковальней, между ложью и неправдой. Свой среди чужих, чужой среди своих. Хоть в монахи иди. И пошёл бы, только без баб тяжело... Да, точно! Пойду-ка я прямо сейчас к Таньке и займусь профилактикой депрессии.

Зина приносит угощение. «Посольскую», икорочку, колбаску, ветчину. Старшие товарищи начинают отмечать ловкое заарканивание цепного пса Баранова и открывающиеся горизонты в связи с его новым зависимым и подчинённым положением.

– А всё-таки, – говорит Игорёша, замахнув чарку горькой и стуча указательным пальцем по столу, – это было излишне

рискованно. Опасно было доверяться мальчишке в вопросах безопасности.

– Этот мальчишка, – оппонирует ему товарищ Ефим, – имеет крепкий революционный дух. Он всех нас перерастёт, вот посмотрите. Это вам говорю я, партиец со стажем.

– Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции, товарищи, – говорю я, проглатывая «р» на манер вождя. – Жалко, я не пьющий, а то я бы с вами подискутировал. Но, поскольку трезвый нетрезвому не товарищ, я с вами прощаюсь. Было приятно познакомиться и снова увидеться. Мы настоящая сплочённая ячейка подполья, желающая истинного блага советскому народу. Всего вам доброго и до свидания. Тётя Люба, в понедельник не приду, ладно?

– Да, Егорушка, отдохни, конечно. Спасибо тебе, голубчик.

– Далеко пойдёшь, – трясёт мою руку товарищ Ефим. – Грамотно излагаешь. Ещё встретимся, Егор.

Игорёша пожимает мою руку молча и глядя в сторону. Ну и хрен с ним.

Я еду в общагу к Татьяне, но её не оказывается. Надо сказать, чтобы записала мне график дежурств. А то так вот не набегаешься. Обидно, конечно. Я-то уж размечтался. Колбасы ей купил. Не палёной, настоящей, с мясокомбината. Шит!

Я выхожу из общаги и бреду, куда глаза глядят. Выхожу на Островского и шагаю мимо Горсада, роддома и третьей

городской. На улице светит солнце, лёгкий морозец пощипывает щёки. Прохожие спешат по своим делам, улыбаются, радуются солнечным лучам. Они, эти лучи, попадая на меня вызывают маленькие впрыски серотонина и я немного успокаиваюсь, вдыхаю холодный кислород и щурюсь на солнце.

Ноги несут меня на площадь Пушкина и доставляют к конечному пункту маршрута, дому Большака. Я поднимаюсь и звоню в дверь. Она открывается и Платоныч молча отступает пропуская меня вовнутрь.

– Простите, я без звонка, – говорю я.

– Я надеялся, что ты придёшь, – отвечает он. – Проходи.

– Это вам, – протягиваю я ему свёрток. – Не ваша, с мясокомбината. Говорят.

– Наша лучше, – усмехается он.

– С копытами-то? – поднимаю я бровь.

– Всё по ГОСТу, даже лучше, чем по ГОСТу. Ты не представляешь, что туда на мясокомбинате пихают. Мой товарищ там директором работает.

– А в «Макдональдсе» вонючий серый фарш обрабатывают аммиаком, чтобы он стал красивым и розовым, – говорю я.

– Вот капиталисты проклятые, травят народ. Есть хочешь?

– А что у вас? Можно вообще-то закусить, я без завтрака. Устрицы небось?

Он улыбается и качает головой.

– Пошли на кухню. Пельмени. Домашние. Будешь? Сейчас отварим. Выпить хочешь?

– Не пью я. Раньше выпил бы. Стакана два. Но теперь смотрю на это крайне негативно. Новая жизнь диктует новые правила.

Он усмехается.

Мы идём на кухню. Платоныч ставит на плиту кастрюлю с водой и вытаскивает из морозилки пельмени. А ещё достаёт из холодильника солёные огурцы кусочек сала и начатую бутылку водки. Он отрезает несколько кусочков чёрного хлеба и тоненьких, просвечивающих ломтиков сала. Делает маленькие бутербродики.

– Пока пельмени варятся, – говорит он и наливает себе рюмку.

Выпивает и заедает хлебом с салом.

– Бери, не стесняйся.

Я беру. Какое уж тут стеснение. Отличное сало, как я люблю... Вода закипает и Большак забрасывает пельмени и наливает ещё рюмку.

– Юрий Платонович, – говорю я. – Не пойму я, как вы-то среди этих рож оказались? Вам не противно с этими Игорёшами да товарищами Ефимами дела вести? Они же, честно говоря, довольно мерзкие твари. Если бы вы с Любой не были в их схеме, они бы поехали сегодня в холодные мрачные чертоги. Я ведь до вчерашнего вечера так и хотел поступить.

– И почему не поступил? – спрашивает он.

– Да потому что вы оказались Деточкиным, а я не оказался Ефремовым. Вы догадались, кстати, что это я на производство проник? В Атаманке.

– Догадался.

– И ничего не сказали? Почему? Хотели, чтоб я вас сдал? У самого сил остановиться нет, ждали, что я за вас всё решу?

– Может и так, – пожимает он плечами. – А может и не так. Расскажу когда-нибудь.

– Всемирный человек загадка, – усмехаюсь я. – Ну, и чего мне делать прикажете? Воровать вместе с вами? Увольняюсь я. Буду на ставках зарабатывать. Хотя это тоже не так просто. Наши-то выигрывают постоянно. Пока, по крайней мере.

– А что, потом перестанут?

– Потом перестанут.

– Почему?

– Потому что п\*дец наступит. Благодаря таким как вы тоже, между прочим. И не в последнюю очередь.

– Рассказывай, – кивает он.

– Уверовали что ли? Или хотите посмотреть, насколько моя шиза далеко простирается?

– Неважно. Ты расскажи, а я послушаю.

– Давайте, сначала вы расскажете, как до жизни такой дошли.

– Да чего здесь рассказывать? И так понятно. Есть возможность, есть единомышленники, есть полипы типа Ефима, гадкие, но необходимые. Вот и всё.

– Значит имеется цель? Для чего деньги-то? Их потратить, по большому счёту не на что. На дом в Крыму? Есть он у вас?

– Есть, – кивает он.

– А банки трёхлитровые с золотыми изделиями?

– Нет пока.

– Ну, и зачем? Хотите построить что-то или развалить? Хотите Союз разрушить?

Он молчит, только смотрит на меня.

– Плохая идея.

– Вообще, даже мысли такой не было. А почему плохая?

– Потому что я видел, что из этого вышло. Крупнейшая геополитическая катастрофа двадцатого века, по официальной версии.

– И тебя что, прислали всё исправить?

– Ага, как терминатора. Аста ла виста, бэби. И ещё айл би бэк. Никто меня не присылал. Я не знаю как здесь оказался. Попал под машину, а здесь очнулся, вывернувшись из-под машины. Вот и вся история. Там я подполковник полиции пятидесяти лет отроду, а здесь ученик десятого класса.

– Полиции?

– Да, милицию переименовали в одиннадцатом году.

– В две тысячи одиннадцатом? А почему?

– Да, делать нехер было, вот и прикалывались. Испанский стыд, короче.

– Хм... Ну и как вы там живёте? Видеосвязь создали?

– У каждого ребёнка есть мобильный телефон. Вот такой плоский брусок, – я показываю размер пальцами. – Одна сторона это экран. Это мощный компьютер. Можно звонить, разговаривать, как по обычному телефону откуда угодно. Можно видеть того, с кем разговариваешь. Можно фотографировать, снимать видео, пользоваться картами, заказывать билеты, такси, делать покупки, читать книги, смотреть кино, получать любую информацию из всемирной сети. Дохрена чего можно. Все эти мобильные телефоны делает знаете кто? Для всего мира.

– СССР вряд ли. Америка?

– В Америке его придумали, но делают в Китае. Сейчас вообще всё в Китае делают. Не всё, конечно, но многое.

– А у нас?

– А у нас бабки пилят в основном. Как начали с девяностых, так и пилят. А ещё золотому тельцу поклоняются. Что лучше, кодекс коммуниста или золотой телец?

Платоныч пожимает плечами.

– А я так скажу, кодекс лучше. Он человеку нравственные ориентиры даёт, а для тельца человек корм.

– То есть что, капитализм что ли?

– Ага, капитализм. И далеко не самый лучший. То есть строй поменялся, а простому человеку хорошо не стало. Мягко говоря. И, кстати, вместо Союза сейчас пятнадцать независимых государств. И везде нас не любят, спасибо дедушке Ленину и его национальной политике. Я вот гражда-

нин Российской Федерации. Догадайся, как глава государства называется.

– Не знаю. Как?

– Президент. А парламент – это Дума, как при царе ба-  
тюшке. Лучше бы кого-нибудь из рода Рюриков на трон по-  
садили, честное слово.

– А ты не американский шпион, случайно? Или, может,  
provokator КГБшный?

– КГБ нет, теперь это Федеральная Служба Безопасности.  
А пиндосов я недолюбиваю.

– Каких ещё пиндосов?

– Так у нас америкосов называют. Уничжительно, ясно  
дело.

– А как дела с автоматизацией производств и компьютерами?  
Если такие телефоны, то на производстве везде роботы,  
наверное? У нас сегодня один математик выступал. Конферен-  
ция была по повышению эффективности труда, мне то-  
же пришлось там побывать. Так вот, математик этот из ин-  
ститута какого-то там из Академии Наук выступал. Проблем  
управления, что ли. Интересные мысли задвигал. Березов-  
ский. Не знаешь ты такого?

– Борис Абрамович? – распахиваю я глаза.

– Да, вроде Абрамович. Знаешь?

– Да его все знают. Россия всего за несколько лет превра-  
тится из мировой сверхдержавы в нищую страну. И это слу-  
чится безо всякой войны. И везде, где не копнуть, будет Бе-

резовский и такие как он. Пойти грохнуть его к херам и не ждать, пока его в Лондоне удавят? Может, в этом моё предназначение?

– Как это возможно? Ничего не хочу сказать, но в это всё очень трудно поверить.

– Ладно, Юрий Платоныч, пойду я. Муторно как-то. С собакой погуляю да почитаю «Таис Афинскую».

– Погоди. Расскажи всё. Всё что будет.

– Неужели всё-таки верите?

– Ты расскажи, а там посмотрим.

Ну я и рассказываю. Про Черненко и Андропова. А потом про Горбачёва, про сухой закон, про перестройку, гласность и кооперативы, про путч и Ельцина, про сожжение партбилетов, про семибанкирщину, про залоговые аукционы, МММ, приватизацию, Чечню, про ранение, про ОПГ, про всё. Про Гайдара и Чубайса и снова про Ельцина. До самого того дня, когда мой Бобик, побежал за кошкой.

Времени на рассказ уходит много. Платоныч ни жив, ни мёртв. Только головой трясёт и, время от времени, закидывает стопочку. А мне и не хочется и противно даже, вот же молодость, что творит.

– Ну что, Юрий Платонович, вы в этом сюжете видите, возможность или угрозу?

– И то, и другое. Интересно, а что я-то сейчас делаю там у вас...

– Наслаждаетесь пенсией где-нибудь на Чунга-Чанге. Ме-

ста лучше нет. Или в своём домике в Крыму. Крым-то наш, как вы помните.

– Но надо что-то сделать! – говорит он.

– Давайте вас в политбюро пошлём, – усмехаюсь я.

– Я не шучу, нужен какой-то план.

– Да какой план? Разве вы в состоянии сдвинуть корабль истории. Я вот, например со Львом Николаевичем нашим Толстым согласен. Не в силах один человек изменить ход истории. Даже зная сценарии. Вот, допустим, грохну я Березовского, ничего не подозревающего и невинного. Задушу его сегодня шарфиком, не познакомит он Абрамовича с Ельциным. И что? Там таких, как они, думающих в одном ключе, куча была.

– Да что вы, Егор Андреевич. Я к убийству учёных не призываю.

– Это хорошо. Хватит с вас экономических преступлений. Я вот только одного не понимаю, почему вы мне верите? Это ж настолько неправдоподобно должно выглядеть...

– Так придумать такое невозможно. Ну и ты сразу мне показался нездешним. И, к тому же, на гитаре играть не умеешь.

Он усмехается.

Не умею, да.

– Егор, спасибо, что предупредил вчера. Было, конечно трудно за такое короткое время всё переиграть и с мясокомбинатом договориться, чтоб они продторг загрузили для нас.

Но, хорошо, что всё хорошо кончается.

Ага. Только это, как раз, самое начало.

Уже вечер. Засиделись мы. Я иду по привычному маршруту мимо главпочтамта, больницы и Электро-Механического завода, мимо стоматологии, Политеха и кинотеатра «Космос». Прохожих мало, к ночи становится темнее, воздух делается туманным, окутывая фонари жёлтыми размытыми ареолами.

Во дворе темно, лампа над подъездом опять не горит. Своерачивая к подъезду замечаю за собой тёмные тени. Трое. Кто такие? Просто хулиганы или козни Джаги старшего?

– Слышь друг, погоди, э!

Друзья значит, ну тогда всё в порядке, беспокоиться не о чем. Я поворачиваюсь спиной к подъезду, чтобы никто не подъехал сзади. Встаю в стойку. Чего вам всем надо от меня, собаки? Их трое. Молодые пацаны, отмороженные, бесстрашные, как вьетнамцы, которые, как известно, смерти не боятся.

– Э, друган, ты чё, боксёр? Да ладно, харэ. Страшно в натуре. Хорош пугать, щас обоссымся-на.

Они ржут. Вызывающе, оскорбительно. Но не думают же, что я на это поведусь. Придурки.

– Слышь, ты же Егор, да? – спрашивает один из них.

Я молчу, ничего не говорю, внимательно слежу за ними. Они стоят близко друг к другу, нападать им неудобно. Но

преимущество, в любом случае, у них.

– Чё молчишь? – продолжают они. – Надо передать тебе кое-чего. Так ты что ли Брагин? Э, оглох с перепугу? Или онемел?

Они начинают расходиться, окружая меня полукругом. Я рефлекторно отступаю на шаг и... наталкиваюсь на человека. Суки! Кто-то прятался в подъезде! Вот же...

Я не успеваю среагировать, потому что в тот же момент получаю охренительный удар по почкам. Один удар по почкам заменяет кружку пива. В детстве так прикалывались... Ну, собственно, это последнее, что я успеваю подумать, потому что за ударом по почкам следует удар в затылок и я отключаюсь.

## **2. Я войны не хочу, но уклоняться не буду**

В себя я прихожу в машине. Бошка гудит и болит, разумеется. Суки, решили дотрясти мою головушку. Я сижу на заднем сидении, зажатый между двумя гопниками. Судя по голосам все четверо здесь. Машина под завязку. Голову не поднимаю, пусть думают, что я ещё в отрубе.

На меня никто внимания не обращает. Парни ржут, рассказывая случаи из зоны. Сами-то, видать, не сидели ещё, только собираются. С такой же показной весёлостью призывники в военкомате травят байки из армейской жизни. Куда меня везут? Окон я не вижу. Машину заносит, но водитель выправляет движение, несколько раз опасно вильнув.

– Ты чё творишь, лох! – раздаётся с переднего сидения. – Одноногий нас всех порешит за тачку. Останови-на, я сам за руль сяду.

– За руль, ага, – ржёт водитель, – за х\*й ты сядешь, а не за руль. Не ссы, довезу в лучшем виде.

– Ты чё сказал, сска!

Мои конвоиры начинают ржать.

– Чё там, петушара ваш не проснулся? Боня его урыл по ходу. Смотрите, не законтачьтесь от него.

– Э, слышь, Цыган, не гони, он не опущенный пока.

– Нормальный ага. Да ты не ссы, Конь, я слышал если пластмассу зажечь и в очко покапать масть снимается. Так что очистим тебя, если чё.

Они опять начинают ржать. Дебилы. Ну, хотя бы понятно, откуда ветер дует. Одноногий значит. Решил шоу устроить. Мог, конечно, просто грохнуть по-тихому, но захотел поразвлечься. То, что не грохнул, хорошо, но вот как мне теперь выкручиваться, хрен его знает.

Руки не связаны, можно попытаться разыграть комбинацию. Если на светофоре резко зарядить локтем в рожу тому, кто справа, пригнуться и дать ногой в челюсть тому, кто слева, выпрямиться и двинуть в затылок переднему пассажиру, а потом водиле... Нет, этот справа начнёт реагировать раньше. А если...

Пока я прикидываю, что можно провернуть, машина съезжает в боковую улочку и снижает скорость. Блин, подъезжа-

ем, похоже.

– Давай, будите фраера, – говорит Цыган. – Почти приехали.

– Да вижу я, что приехали, – отвечает Конь. – Как его будить-то?

– Ты тормоз в натуре. Дай по роже, он и очухается. Ну, если хочешь, за бейцы подёргай.

– Ага. Себя подёргай-на.

Конь пихает меня локтем в бок. Тот, что слева всю дорогу молчал и сейчас тоже ничего не предпринимает.

– Э, Брагин, – говорит Конь и снова пихает меня в бок локтем.

Я произвожу неопределённый звук. Машина останавливается. Нужно действовать сейчас, когда они думают, будто я в отключке. Хлопает дверка. Кто-то выходит. Цыган. Я чуть приоткрываю глаза. Он открывает ворота. Значит, точно сейчас, пока не въехали во двор.

Я напрягаюсь, чтобы нанести удар и в тот же момент сосед слева херачит мне со всей дури локтем в живот. Тут бы даже и мёртвый очухался, не то, что притворяющийся.

– О-о-а! – выдыхаю я.

Машина въезжает во двор и меня выволакивают наружу. Я вижу чёрную покосившуюся деревянную избу и баню, из трубы которой идёт дым.

– Давай, тащи в баню.

Пока вытаскивают и тащат, замечаю что машина – это ста-

ренький «Москвичок». Представляю крутых гангстеров своего времени на такой тачке и смеюсь.

– Ты чё, сука! – восклицает кто-то из них и снова хреначит под дых.

Открывается дверь в баню и меня вталкивают внутрь. В лицо бьёт влажный жар и запах запаренного берёзового веника. Конвоиры топчутся у входа.

Баня небольшая, старая и неухоженная. Под потолком светит тусклая лампочка. Посередине стоит железная печка и две лавки. На печке чугунный ковш. Рядом алюминиевый бидон с водой. Парной нет, вернее, нет разделения на предбанник, помывочную и парную. Здесь всё в одном пространстве. Опен спейс.

На лавке вальяжно сидит Джагиров-старший. Одноногий отец Джаги.

– Э! – прикрикивает он. – Тараканы-на! Дверь закрыли! Жар уходит.

Он сидит развалив на лавке уродливую, покрасневшую и распаренную культу. Чресла прикрыты скрученной в толстый жгут простынёй, на голове войлочная шапочка. По роже и телу текут ручейки пота.

Мои похитители бросаются закрывать дверь.

– Боня! Пива из дому принеси, – добавляет Джагиров.

Здоровяк Боня, тот что сидел слева от меня и по ходу поджидал в подъезде выходит наружу. Внутри остаются водила, Цыган и Конь.

– Давайте, роняйте это чмо.

Цыган тут же бьёт мне под коленки, а остальные двое тянут за руки вниз и я падаю на колени. У них всё отработано.

– Цыган, иди, помоги встать, – командует одноногий.

На меня он даже и не смотрит. Всё уже решено, сценарий понятен. Мне, правда, ещё не до конца. Цыган подходит к нему и помогает подняться, а потом пытается поддерживать его за руку, но, поднявшись, Джагиров грубо отталкивает Цыгана и тот от неожиданности садится на лавку.

– Хлеборезку ему держите, – бросает одноногий и прыгает вперёд.

В этот момент он похож на мерзкого демона, жуткую птицу и адского птеродактиля. Его уродливая распаренная ножища с кривыми когтями приземляется передо мной, впечатываясь в чёрный осклизлый пол. Он чуть покачивается, взмахивая культей, но чудом сохраняет равновесие. Руки его тянутся к поясу и начинают распускать узел простыни. Прямо перед моим лицом.

Руки моих палачей фиксируют мою голову и давят мне на плечи, в то время, как мои собственные руки в этот момент оказываются совершенно свободными. И я нахожу им применение. Я резко выбрасываю их вперёд хватаю ногу Джагинова и со всей дури дёргаю на себя.

Он только и успевает, что взмахнуть руками и всей своей тушей обрушивается на спину. Затылком он бьётся об лавку. Раздаётся треск и грохот. Очень надеюсь, что он уже не

встанет. Но размышлять над этим вопросом и наслаждаться зрелищем вместе с застывшими малолетними шестёрками мне некогда.

Я резко и сильно, как пневмомолот вбиваю кулак в бубенцы, стоящего слева от меня водилы. Как раз туда, где заканчивается его короткая куртка. Тут же вскакивая, влетаю головой чуть сбоку и снизу в челюсть совершенно охреневшему Коню. Подлетаю к печке, хватаю ковш с кипятком и выливаю душистый практически кипящий берёзовый настой в морду Цыгана прущего на меня с ножом.

Пользуясь ковшом, как палицей, я бью водилу наотмашь по морде и как в замедленном фильме с восторгом наблюдаю веер брызг и зубной крошки, а затем обрушиваю ковш на голову Цыгана, обрывая его истошный вой. Джагиров хрипит и я не могу отказать себе в удовольствии пропнуть пыром со всей дури в его поганую промежность.

Оставив на поле боя стонущих и поверженных врагов, я подскакиваю к двери, в момент, когда она медленно и осторожно приоткрывается. В щёлку просовывается голова Бони.

– Вы чё здесь... – недоумённо начинает он, но я не даю ему сообразить, что здесь к чему и хреначу ногой по двери так, что раздаётся жуткий треск и звон бьющегося стекла. Банка с пивом.

Боня оседает, а я выскакиваю во двор. Посреди двора стоит «Москвич». Я дёргаю ручку. Закрыто. Параноики! Ну ка-

кой идиот решит украсть машину у вас? Мля... Возвращаюсь к бане. Боня сидит на крыльце и стонет, держась за голову. Настоящий неубиваемый пуля-зуб.

Я бью его со всей дури основанием ладони, вбивая нос в его тупую башку. Это тебе за почки и за мой затылок. Злой я, недобрый. Обшариваю карманы в поисках ключа от машины. Куда он его дел, сука? Воняет пивом. В кармане находится складной нож. Забираю себе, пригодится. По нынешним временам лишним не будет.

Я переворачиваю его на бок и замечаю ключ. Он лежит на мокром от пива крыльце среди стеклянных осколков. Видать бугай его в руке держал, когда я его дверью прищемил. Отлично, теперь можно валить. Возвращаюсь к машине. Искать ключ от ворот времени нет, поэтому я рву с места и влезаю прямо в них. Створки распахиваются, как игрушечные. Хорошая машина «Москвич», бронебойная.

Выезжаю из этого шанхая, плутая по частному сектору. Одна фара не светит. Если остановят, будет кирдык. Ладно, оторвусь. Так, теперь спокойно. Глубокий вдох, выдох. Вдох, выдох. Но эти твари не успокоятся. Очухаются, раны залижут и опять нападут. Надо этот вопрос закрывать. И закрывать как можно скорее. И Каху надо сдать табачному капитану, причём мента явно интересуют не экономические преступления. Вот же он козлина, устроил мне сладкую жизнь. Каха то есть.

Я подъезжаю к бару и бросаю машину у обочины. Наде-

юсь, эти бизнесмены сейчас здесь. Вышибала косится на меня и неохотно пропускает внутрь. Ого! А народу-то немало. Если в стране ходят денежные знаки, то должны быть и люди, у которых их очень много. Воистину.

Я немного растрёпан, но выгляжу спокойно. Прохожу вглубь зала и заглядываю за ширму.

– Привет букмекерам, – бросаю я и падаю за стол напротив Кахи и Рыжего.

Они переглядываются.

– Ну что, вы начали уже? – спрашиваю я. – Чего не зовёте? Не заинтересованы в игроках?

– Здорово, – кивает Каха. – Начали, ага, сегодня на завтрашнюю игру по хоккею с мячом ставки принимаем. Но желающих чё-то маловато пока.

– Фигня, олимпиада скоро начнётся, желающих дохрена станет.

– Посмотрим. Вчера на первую игру только три человека поставило.

– Ты чё, – неприязненно говорит Рыжий, – отчитываться перед ним будешь?

– Да просто разговариваем, Рыжий, – примирительно говорю я, – ты чего злой такой? Случилось чего? Забей, хорошо же всё. Бизнес начинаете, баблос скоро рекой потечёт. Не жизнь, а праздник. Напитки вон заморские. Ты на меня посмотри, вообще не парюсь. Живу по кайфу. Как Боб Марли в натуре.

– Тебе чё надо, помело? Тебе же сказали, доли не будет. Ходить выпрашивать не надо.

Я только головой качаю, мол, что тут скажешь, не в настроении человек. Бывает.

– А я когда выпрашивал? Хорош гнать. Я сразу сказал, на долю не претендую, а ставки делать буду. Всё ясно же вроде. Ладно, расслабься.

Он не отвечает, только буравит злым взглядом.

– Слушайте, я вот что сказать хочу. Про хоккей на олимпиаде. Вы как планируете ставки принимать?

– Обычно, – пожимает плечами Каха.

– Обычно не получится.

– Это ещё почему?

– Ну как, смотри. Наши выигрывают постоянно. Думаешь много, кто поставит на проигрыш наших? Все поставят на выигрыш и все выиграют. То есть никто не выиграет. Все заберут свои деньги за вычетом вашей комиссии. В другой раз уже ставки не сделают. Просекаешь? Кстати, комиссия сколько?

– Тридцать. На олимпиаде сделаем тридцать пять.

– Я бы наоборот сделал меньше, – пожимаю я плечами, – чтобы народ привлечь. На объёме больше набомбите. Но дело ваше, конечно.

– Тебя точно спрашивать не будем, – бросает Рыжий.

Блин, ты-то уж помолчал бы, дурачок, честное слово.

– Ну и чё делать тогда? – спрашивает Каха.

– На счёт надо ставки принимать. С каким счётом игра закончится, ну а по сути, с каким счётом наши выиграют.

– А как там проценты высчитывать?

– Да так же. Вы купоны выдаёте поставившим?

– Ну да, квитанции.

– Записывайте всё ещё в амбарную книгу, чтобы было видно и наглядно какой пул, призовой фонд, то есть. Размер пула нужно выписывать на каждую игру. Можно грифельную доску завести и писать на ней для наглядности. Но по книге каждый должен иметь возможность проверить, чтобы не было никаких подозрений. Книгу вообще можно у Альберта держать, как у незаинтересованного лица. Если согласится, конечно.

Каха чешет в затылке.

– На счёт лучше принимать небольшие ставки. Игроки будут делать несколько ставок на одну игру. Если никто верный счёт не выиграл, что будет происходить довольно часто, можно, например, треть пула или половину отдавать наиболее близкой ставке, а вторую половину переводить на следующую игру. Пул будет постепенно накапливаться, и интерес будет расти. То есть желающих будет больше и ваш заработок соответственно тоже. Давайте людям побольше выигрывать и они принесут вам хренову тучу денег.

Рыжий молчит, не возражает, хотя признавать мою правоту ему очень не хочется.

– Тебе какой интерес? – спрашивает он.

– Как какой? Хочу играть, бабки зарабатывать. Но для этого надо, чтобы у вас система нормально работала. Чем цивилизованней у вас всё устроено, тем больше желающих, тем больше выигрыши и ваша долюшка тяжёлая. Слушайте, можете выйти со мной на минутку?

– Зачем? – щурится Рыжий.

– Тачило хочу вам показать.

– Какое тачило? – удивляется Каха.

– Да вот, тачку себе надыбал. Хочу, чтоб вы заценили.

Они нехотя выходят следом за мной.

– Ну, и где? – спрашивает Рыжий и замечает «Москвич» у обочины. – Не понял... А это чё за... Ты чё! Это кто сделал?!

Он подбегает к машине и начинает бегать вокруг неё, хватаясь за голову.

– Так это твоя что ли? – спрашиваю я. – Ну ты и debil, прости за прямоту. Ты же знал зачем у тебя её берут. Не страшно, что менты за тобой придут? Каха, вокруг тебя что, одни дегенераты тусуют? Пипец, пацаны.

– Ты, сучара, готовь бабки! Заплатишь до последней копейки!

– Да ты чё?! А ты не боишься, что я тебя заставлю платить, за то что твой урод одноногий хотел сделать? Ты пасть свою прикрой да мозгами пошевели, если они у тебя имеются.

– А ну повтори! – рычит он, подступая ближе и с силой бьёт пальцем мне в грудь. – Ты, пи\*орок, пробитый, повто-

ри!

– Ох, ты лишку хватил сейчас. Учат же вас в вашей бластной среде следить за словами. Ты и этого понять не в силах. Палец убери.

– Повтори, я сказал! – продолжает он бить пальцем мне в грудь.

Вот осёл, честное слово. Что именно он хочет, чтобы я повторил?

– Палец убери, последний раз говорю.

– Повтори, петух! – наседает Рыжий идиот.

– Крутой блатарь на «Москвичонке» похож на чухана, – говорю я с улыбкой, осознавая, что она, улыбка эта, выходит злой.

В тот же момент я хватаю его палец и с хрустом выламываю. Рыжий набирает воздух, чтобы заорать, но тут же я бью головой ему в нос и крик захлёбывается. Эх буйна моя головушка, досталось тебе сегодня. Так никаких мозгов не хватает.

– Теперь ты повтори, сука, – говорю я и основанием ладони бью ему в ухо, отправляя в сугроб.

После этого я поворачиваюсь к Кахе и пожимаю плечами. Внешне я совершенно спокоен, но адреналинчик в моём молодом теле так и плещет.

– Андрей, ты же сам видел, я этого не хотел, – объясняю я, для убедительности касаясь ладонью сердца. – Но твой друг начал меня оскорблять. Что мне было делать? По ва-

шим блатным законам он неправильно себя повёл. Мне на ваши понятия насрать, но когда меня достают, я отвечаю. Ты же знаешь. Почему ты его не предупредил? Он думал, что такой взрослый и охрененно крутой на своей колымаге? Пипец просто.

– Да-да, – отвечает Каха, тоже внешне никак не проявляя эмоций. – Конечно он не прав, я подтверждаю.

– Но ты ведь и сам неправ, – развожу я руками. – Это же ты всё затеял.

– Я... нет, – машет он головой.

– Да прекрати ты, думаешь я не знаю, что ты Джаге сказал, будто я его обзывал плохими словами? Очень плохими. И батя его долбанутый поверил. А ты и рад радёхонек, да? Ну и кто бы тебя научил ставки принимать, если бы он меня грохнул сегодня? Чё ты молчишь? Мы же руки с тобой жали.

– Это до того ещё было.

– До того, – с чувством повторяю я. – Ты чирик мне простить не можешь, что я тебе не отдал? Так что ли? Так я тебе вон идею какую дал, место тебе дал, научил всему и нигде не хвастался, что это всё благодаря мне. И ни одному человеку не сообщил, что тебя отмудохал. А ты чем платишь. Ты войны хочешь? Я вот не хочу. Но уклоняться не буду. Ты думаешь, я буду с тобой и дальше, как «крепкий орешек» в одиночку биться? Не буду. Я на тебя ментов натравлю и ОБХСС. Не шучу. Есть у меня на привязи такие. И в ЦК на батю твоего стуканут. Ты хочешь? Сын, скажут позорит отца. Он тебя

за это возненавидит. Непросто будет, но я тебе это устрою. Или ты хочешь, чтобы я через Пашу Цвета решал? И через него порешать можно. Вы же беспределите здесь. Это и ему не понравится. Ты думаешь война – это когда меня пять отморозков поиметь хотят? Нет, война – это когда тебе кабзда наступит.

Он стоит и молча, чуть прищурившись, смотрит на меня.

– Короче, Каха. Заканчивай ты эту дребедень. Порешай с одноногим. Пусть спасибо скажет, что жив остался. Оке? Подай знак, если понимаешь меня.

– С ним-то я как решу?

– Не знаю, мне похеру. Как заварил кашу, так и развари-вай, но уж проверни фарш обратно. Ладно? Зачем нам ссориться? Нам бабки надо рубить, а не хернёй страдать. Правда же? Но если я этого птеродактиля одного ещё раз увижу, значит, мы друг друга не поняли.

Каха открывает рот, чтобы что-то сказать, но его прерывает короткий вскрик сирены и белый снег окрашивается красивыми синими всполохами. На дороге рядом с «Москвичёнком» останавливается жёлтый УАЗик с синей полосой. Из него выходят два мента и вальжной походочкой направляются в нашу сторону.

### **3. Человек с идеями.**

– Что тут происходит, молодые люди? – спрашивает один милиционер. – Общественный порядок нарушаем? Пьяная

драка?

– Не пьющий, – отвечает Каха.

– Я тоже, – мотаю я головой. – Стоим, разговариваем, какая драка.

– А этот? – кивает второй на Рыжего. – Переутомился?

– Да вон, на ступеньках поскользнулся, – говорит Каха. – Палец сломал да нос, наверное. Сейчас придёт в себя, в травму его поведём.

– Поскользнулся? – хмыкает первый.

– А давайте-ка мы документики ваши посмотрим, – предлагает второй.

– Я не ношу с собой, – пожимает плечами Каха.

– Я тоже, – говорю я.

Один из них стоит напротив меня, а второй – напротив Кахи. Тот, что напротив меня, кивает напарнику и делает шаг ко мне.

– Ручки подними, сынок, – усмехается он.

– Не имеете права, – заявляет Каха.

– Да ты чё? – лыбится тот, что стоит напротив него. – А ты откуда знаешь, что я имею, а чего нет? Поднимай ручонки, давай. Ты же тоже поди не имеешь права дружка своего пи\*ить, а я ж ничего тебе не говорю, правда? Вот и ты помолчи.

– Я же объясняю, он сам... – начинает Каха, но получив лёгкий тычок в солнечное сплетение, осекается.

Перед ним старший сержант, а передо мной – младший

лейтенант. Лейтёха начинает обхлопывать меня и проверять карманы.

– А тут у нас что? – говорит он и лицо его озаряется улыбкой.

Вот прямо видно, человек удовольствие от своей работы получает. А вот я настоящий лошарик. Потому что, то что он находит в моём кармане не что иное, как нож, выуженный мной из кармана Бони. Хороший такой, выкидной, сделанный с душой, с чёрными пластиковыми накладками и крепким, и достаточно длинным лезвием. Холодное оружие. Ношение.

– Ну что, покатаемся? – спрашивает милиционер с улыбкой.

– Да берите себе, товарищ лейтенант, – пожимаю я плечами. – Я всё равно вам его нёс.

– Мне? – делано улыбается он.

– Ну, не вам конкретно, мы же не знакомы. Вам, в смысле в органы. Внутренние.

– Конечно, внутренние, – соглашается он. – Не во внешние же. Внешние у нас только сношения бывают, а органы исключительно внутренние.

Сержант вытаскивает из кармана Кахи кастет. Тот самый, дюралевый, или какой он там у него.

– Товарищ лейтенант, так у нас здесь прям-таки банда. Гляньте.

– Ну-ка, Пронченко, проверь ещё потерпевшего. Может,

и у него чего найдётся. Маузер какой-нибудь.

Рыжий постанывает и пытается подняться на ноги.

– Товарищ лейтенант, – говорю я. – Потерпевшего к врачу надо. Он упал неудачно. Сотрясение, наверное. И палец в сторону торчит. Сломал, похоже. Вы уж проявите сострадание. Сам-то он не дойдёт, довезите до травмы.

– Чёт я не пойму, малой, – хмурится сержант. – Тебе, может быть, показалось, что мы в такси работаем? Но нет, ты ошибся, не таксисты мы.

Он наклоняется к Рыжему и тихонько мурлычет под нос:

– Не кочегары мы не плотники-та, но сожалений горьких нет, как нет... Да стой ты, куда ползёшь, дура...

Он с грехом пополам поднимает Рыжего на ноги и обыскивает. Я бываю очень злым и жестоким. Есть такое дело, но отхожу быстро. И это нифига не плюс. Нет, в карму, как говорится, может и плюс, а вот к воинственным моим качествам никак нет. Вот смотрю я на бедного изуродованного мной Рыжего и жалеть начинаю. Зачем я так жёстко? Ну, погорячился человек, с кем не бывает? Неизвестно ещё, как бы я сам реагировал, если бы моей тачкой кто-нибудь ворота открыл. Гнев – это грех. Надо себя в руки брать. Нехорошо так.

У Рыжего ничего запрещённого не находится, поэтому его оставляют на улице.

– Дяденька милиционер, – говорю я сквозь решётку, когда мы выезжаем. – Я несовершеннолетний. Меня нельзя про-

сто в обезьянник.

– Покажи документ, – отвечает лейтенант. – Выглядишь ты, как лось двадцатилетний. Нет документа? Ну и всё тогда. Да ты не бойся, Капустин, разберёмся и отпустим.

Они хохочут.

– Мне маме позвонить нужно, – продолжаю я гнуть свою линию.

– Позвонишь, не ной. Лет через дцать, когда по УДО выйдешь.

– Вот вы человека бросили на снегу, а его к врачу надо. Сдохнет на морозе, замучаетесь рапорты писать. Мы ведь сообщим, что это ваших рук дело.

– Блин, заманал ты, несовершеннолетний, – говорит лейтёха. – Доставим его в травму. Хер с тобой, Пронченко, давай кружок сделаем.

Начавшего постепенно приходиться в себя Рыжего сажают к нам и выбрасывают около травмы, а нас везут в отделение, по пути составляя протокол и спрашивая наши имена. Каха представляется Сидоровым Иваном Петровичем, ну а я – своим собственным именем. В отделении нас сдают на руки дежурному,

– Товарищ лейтенант, дайте позвонить, – обращаюсь я к дежурному. – Родители жалобу напишут. Хлебать замучаетесь. Я несовершеннолетний.

– Слышь, малолетка, не пи\*ди, – обрывает меня Пронченко, прежде чем уйти. – А то ненароком без почек останешь-

ся.

Почки лучше, конечно, побережь. Нас отводят в КПЗ, где сидит бомж и ещё какой-то мутный тип азиатской внешности. Надеюсь, одноногого сюда не привезут.

– Мля, Бро, ну чё ты наделал! – качает головой Каха. – Сейчас задолбаемся выкручиваться, в натуре.

– Это я что наделал? Каха, я будто не с тобой разговаривал полчаса назад. Ты Рыжему своему предъявы выставляй. Каждое действие рождает противодействие. Он с твоим одноногим кашу заварил. Стопудово он знал, что тот олень затеял. Пусть скажет спасибо, что я ему вообще кишки не выпустил.

– Сука, – выругивается Каха и сплёвывает на пол.

– А может... – хмурюсь я. – А может, ты тоже знал, что он там запланировал? А? Знал?

Естественно, он знал, тут даже и думать не о чем. Заказчик и не знал? Может, не во всех деталях, но общая идея ему, конечно, была известна. Избить и, вероятно, оттрахать или просто унижить, но обязательно избить. С Рыжим всё обсудили, сто процентов. Ладно. Это мы пока оставим, пождём, когда он очухается. И поглядим, что будет делать Каха. Пока что его деревянные солдаты один за другим выходят из строя. Одноногий, конечно, закусит удила, но ему ещё долго здоровье восстанавливать.

– Э, э, ты коней-то попридержи! – вскидывается он. – Ни чё я не знал. Я чё вообще без мозгов по-твоему?

– Да кто тебя разберёт. Скажи мне, кто твой друг, слышал наверное такую поговорку?

– Отвали. Думай лучше, как выгрести будем.

– А чё тут думать? Ты бате не можешь позвонить?

– Ты... Ты совсем что ли? Кто про дебилов-то говорил?

Сам, как дебил говоришь. Не вздумай про него мусорам сказать, ты понял?

– А чё, я один должен нас выдёргивать? Всё равно узнают, если не вырвемся.

– Не вздумай, я сказал.

– Ладно, не буду, – великодушно соглашаюсь я. – Не бойся, я за своё слово отвечаю, если что. Просто к твоему сведению.

Я сажусь на лавку, прислоняюсь спиной к стене. Мама там сейчас с ума сходит. Блин. Нехорошо вышло. Очень плохо. Каха отходит в другую сторону и тоже садится на лавку. Я закрываю глаза. Если чего-то не можешь изменить, не дёргайся. Изменишь, когда сможешь. Железное правило, только вот не дёргаться бывает довольно сложно.

Я погружаюсь в мысли про Каху и табачного капитана. И про одноногого Сильвера. Надо-надо-надо-надо... Надо их всех одним ударом припечатать. Мда... А как?

– Э-эй, брат, – раздаётся голос рядом со мной и кто-то трясёт меня за плечо. – Брат... Э-эй, ты.

По протяжному восточному акценту уже ясно, кто это. Я открываю глаза.

– Чего тебе?

– Закурить давай! – кивает он.

Но кивает не так, как я, например, он кивает в другую сторону, как бы подбородком от себя. И это получается вызывающе и дерзко.

– Не курю, – отвечаю я и снова закрываю глаза.

– Э-эй, – не отстаёт он. – Зачем такой невежливый?

– Слышь не зли меня, гость столицы. Сказал не курю. Чё не ясно? Ты откуда приехал такой активный? Там русский не учат понимать? И отсыдь отсюда. Воняешь.

– Э-эй, я тебя у\*бу щас, ты понял? – оскорбляется он. – Чё-ё ты, а? Ты понял? Э-эй, ты, чмо!

Говорит он сочно, смачно проговаривая все буквы. Да вот только когда же это всё кончится! Я вздыхаю. Где-то я хо-рошенько накосячил, раз все демоны мира решили сегодня довести меня до сумасшествия. Что ему сделать, чтобы он успокоился. Не получая от меня отпора, он решает поддаться жару. Один уже поддал сегодня. Да какое один... Блин, ну и денёк...

– Сюда смотри, – напирает он и пытается дотронуться пальцами до моего лица.

Блин, достал уже. Я быстро подтягиваю колено к груди и молча отпихиваю этого придурка. Не пинаю, а просто отпихиваю, правда достаточно сильно. Он отлетает назад и падает на пол.

– Э-эй! – орёт он, поднимаясь на ноги. – Кеныгесске джа-

ляб! Я твой роте е...

Договорить он не успеваает. Каха прописывает ему знатный пендель под зад.

– Ты чурка тупая. Пасть заткни свою. Он тебя мочка-нёт-на, а сядем все. Завали хлебало своё поганое.

– А ты ксенофоб, Каха, – качаю я головой. – Человек издалека приехал. Гость можно сказать, а ты его так обзываешь. Неуважительно это. Неправильно.

– Да мне похеру. Я за него садиться не собираюсь. Ты ж вообще без башни, в натуре. Бык бешеный.

– Алё, гараж! Ты притормози. Я сам-то никого не задираю. Я человек мирный, вообще-то. С мягким сердцем. Чё ты нервничаешь Андрюха? Пучком всё будет. Прорвёмся. Рыжий твой сам напросился. И аист одноногий тоже. Я тебе ещё раз говорю, разруливай. Разруливай, то что намутил. Добром не кончится. Обещаю тебе.

И так добром не кончится. И этак не кончится. Но пусть думает, что я успокоился.

Мы молчим. Я начинаю дремать, как вдруг раздаётся громкий окрик:

– Брагин. На выход.

Я открываю глаза и вижу Зарипова. Того самого, что водил меня по мрачным казематам.

– Чё такое? – недоумённо спрашивает Каха.

– Нормально всё, – говорю я и подмигиваю. – Скоро домой пойдём.

– Вот так сюрприз, – крутит прокуренный ус табачный капитан. – Вот так сюрприз. Холодное, значит, оружие. Да уж...

– А вы чего в такой час не дома, Анатолий Семёнович? Время-то позднее уже.

– Вместо того, чтобы Каховского мне добывать, – игнорирует он мой вопрос, – ты к поножовщине готовишься. Правильно понимаю?

– Не совсем. Я вообще-то именно с Каховским сейчас у вас в обезьяннике отдыхал.

– Да? Это Сидоров, который? С кастетом?

– Ага, – киваю я.

– И ты хочешь мне сказать, что вот это и есть результат твоей работы? Не пойдёт. Слабо. Даже говорить не о чем. Задание не выполнено.

– Нет, я этого и не говорил. Речь вообще не об этом.

– Ну, а о чём тогда? – поднимает он брови. – Чего тебя занесло сюда?

– Случайность. Я, как видите, подбираюсь к цели всё ближе и ближе.

– Хреново ты как-то подбираешься, Брагин. Результатов ноль, а время идёт. Ну а сейчас придётся тебя уже по полной оформлять. Холодное оружие – это не шутка, сам понимаешь.

– Слушайте, Анатолий Семёнович, давайте говорить пря-

мо, безо всех этих прихватов и финтов. Не надо меня страшить и подводить к нужной мысли, если действительно хотите сотрудничать. Я согласился не потому, что вы меня к стене припёрли, а потому что тоже хочу его прижать. Так что не надо держать меня в постоянном напряжении. Это только мешает, а не помогает.

– Больно ты умный, я смотрю. Где же тогда результат?

– Быстро только кошки родятся. Слыхали?

– Ты много только на себя не бери, а то я на Каховского плюну и тобой займусь.

– Блин, вот никак вы не можете по-человечески, всё вам надо показать своё могущество. Чего мне-то показывать? Я же школьник всего лишь. Короче, я не знаю, под батию вы его копаете или под него самого, а может, хотите начальника своего за яйца подвесить. Мне это по барабану. Не интересно то есть. У нас есть общая цель. Каха. Ваши мотивы меня не интересуют. Мои мотивы простые. Чувство личной неприязни, банальная месть и желание обезопасить себя и своих близких. У него на меня зуб. И он уже дважды послал ко мне ассасинов.

– Кого?

– Ну это образно говоря. Наёмников своих. Убивать он меня не хочет, изначально не хотел, по крайней мере. Сейчас уже не знаю. Вот, что я предлагаю. Вариант первый. Если я узнаю о каком-то деле, я маякну.

– Чего?

– Сообщу, блин. Но это вряд ли. Он не особо со мной дела обсуждает. Второй вариант. Он хочет меня отменить или даже грохнуть. Я выступаю в роли живца. Подстраиваем благоприятную ситуацию и берём с поличным. Правда, есть нюанс. Надо сделать так, чтобы он меня сам лично пришёл мочить, а это непросто. Ну, или иметь доказательства, что он заказчик. И, третий вариант. Подкинуть ему дуру с хорошей историей или дурь в особо крупных и так далее.

– Подкинуть не вариант. Ненадёжно. Да и... – замолкает он, не договорив.

– Блин, капитан, хрен ли «да и»? Ты хочешь говно убирать и белые перчатки не замарать?

Он задумывается, кусает ус и достаёт пачку «Ту».

– Ладно, – говорю я. – Давай продумаем операцию. Вместе, да? Без наездов типа, как ты любишь. Ты за гранью закона, и мы оба это знаем. Ты плохой мент. Не продажный, но неправильный. Ты сам, как преступник, бешеный доберман. И ты хочешь впиться ему в горло. Ну и чего пытаться казаться блюстителем кодекса? Ты хочешь не законности, а справедливости. Я-то тебя насквозь вижу. А ты меня. Будь собой! Хочешь крови? Добудь её! Я помогу. Но не из-за угроз и шантажа. Это важно. Понимаешь?!

– А что это, мы на «ты» уже? – спрашивает он, но я вижу, что мои слова пробили охрененную дыру в его черепушке.

– Пардон муа. Погорячился. Сейчас я вернусь туда и скажу, что сделал звонок своему покровителю и *вы* нас отпусти-

те. Но только его для порядка тоже сначала дёрнете и допросите, как Сидорова. Если будет просить, дайте позвонить. Только он не будет, потому что боится, что батя его узнает. А я ему скажу, у меня есть человек, который вопросы реально решает.

– И как я вас выпущу?

– Блин. Ну чё смеяться-то? Уж выпусти... *те* как-нибудь. Только мне надо, чтобы вы пришли ко мне домой и извинились от имени всей советской милиции, что меня по ошибке не за того приняли. Или скажете, что я вам помогал и вы мне благодарность объявляете. Грамоту дайте. В общем, что угодно. Потому что сейчас родители у меня морги и больницы обзванивают. И милицию тоже. И ваш дружбан Рыбкин уже возможно выяснил, что я здесь. И если я скажу... да всё равно что я скажу, что бы не сказал, меня из дому хрен выпустят в ближайшие полгода, и накрылся наш Каха.

Он закуривает и выпускает дым в потолок. Выкурив две сигареты, встаёт и, открыв дверь, зовёт Зарипова.

– Ладно, – говорит он. – Добро. Размажем эту мразь.

– Как партнёры, да?

Он молчит.

– Товарищ генерал-майор, как партнёры, да?

– Давай попробуем.

Когда я возвращаюсь в камеру, Каха мечется, как тигр в клетке.

– Сдал меня? – бросается он ко мне. – Сказал кто я?

– Дурак что ли? Я ж тебе пообещал не говорить. Ну ты в натуре по себе не суди.

– Чё так долго?

– Дозвониться не мог.

– Тебе дали позвонить? – удивляется он.

– Я умею убеждать. Скоро отпустят. Не ссы. Ты главное продержись, сам не расколись.

– Сидоров! – вызывает Зарипов.

Каха уходит, оглядываясь на меня. С ним капитан разделяется довольно быстро и вскоре он возвращается.

– Ну чё? – спрашиваю я.

– Сказали, утром за нас возьмутся, а сейчас пока так, типа ни о чём, потрепаться от скуки.

– Да шас отпустят, вот увидишь. Замнут всё и отпустят.

Примерно через полчаса нас действительно отпускают. Мы выходим и встречаем в коридоре... моих родителей. Каха быстро проскальзывает мимо и, кивнув на прощание, выскакивает за дверь.

Мама вся в слезах бросается ко мне.

– Что случилось, Егор?! – в ужасе спрашивает она.

Я не успеваю ответить, потому что появляется табачный капитан и приглашает нас в свой кабинет. Он просит прощения и довольно убедительно рассказывает, что я помогал в проведении операции и должен был указать преступника, который участвовал в нападении на меня, тогда ещё. И по-

том опознание, и ещё какая-то хрень... В общем, несёт ахи-нею. Но обещает наградить грамотой за помощь органам.

Родители проникаются гордостью за сына, выполнявшего гражданский долг и на волне облегчения, испытанного от благополучного разрешения их переживаний прощают капитана, меня и всю советскую милицию. Они отказываются от мысли писать жалобу и Капитан выделяет машину, чтобы нас подвезли к самому дому.

– Ну ты мог хоть из автомата позвонить или из кабинета капитана этого?

– Да там всё так было устроено, что вообще никаких коммуникаций. Будто это я подозреваемый, а не он.

– А кто это, который из них, это тот Каховский?

– Что-ты, выяснилось, что он-то был совсем не причём. Он просто мимо проходил и хотел за меня вступиться, а ему тоже досталось. Там как-то запутано всё оказалось, но хулиганов так и не нашли.

– Невероятно, – замечает отец.

– Только этого Джагу, наверное и осудят по делу. Это тот, который...

– Да-да, – говорит папа, – я помню, кто это.

Мы выходим из машины и идём к подъезду. Но, как известно, место встречи изменить нельзя и всё всегда повторяется снова и снова. Вообще всё в нашей жизни.

Из тени нам навстречу шагает тёмный силуэт. Это фигура женщины.

– Егор! – восклицает она. – Нам нужно поговорить!

Я сразу же узнаю её голос. Это лейтенант милиции Лидия

Пирогова.

#### 4. Передышка

Мать замирает, а отец хмыкает.

– Вам тоже переночевать, девушка? – спрашивает он.

Лида не сразу отвечает, как бы пытаясь понять, о чём идёт речь.

– Нет... Нет-нет, мне ночевать не нужно. Мне только поговорить.

– Может, – вступает мама, – ты нас представишь, Егор?

– Это Лидия Фёдоровна Пирогова. Лейтенант милиции.

А это мои родители.

– Так мы же только оттуда, – удивляется мама.

– А она из другой, из экономической. Вы не будете возражать, если я приглашу Лидию домой, чтобы не стоять на морозе?

– Не поздновато ли для визитов? – проявляет отец недовольство полицейским произволом.

– Я ненадолго, – заверяет Лида. – Впрочем, можем и здесь переговорить. Только мне один на один с Егором нужно.

– Нет уж, лучше дома, – моментально реагирует мама. – Только, я хочу понимать, это официальный разговор или допрос? Что это? Если да, я буду присутствовать, потому что мой сын не совершеннолетний.

– Лидия Фёдоровна, – успокаиваю я маму, – очень хорошо знает, что я несовершеннолетний.

– Нет, разговор не официальный, – отвечает Лида и ёжится, пряча лицо в пушистый песцовый воротник.

Мы поднимаемся. Мама с отцом идут на кухню, готовить ужин и закрывают дверь, чтобы не мешать нам разговаривать. Кто-то, наверное отец, делает погромче радио.

«Ленточка моя финишная,

Всё пройдёт и ты примешь меня,

Примешь ты меня нынешнего.

Нам не жить друг без друга», – доносится из кухни голос Лещенко.

Это он зря. В смысле, Лев Валерьянович. Нам сейчас таких песен не надо. Мы садимся на диван вполоборота друг к другу и молчим. Раджа стоит напротив Лиды, чуть опустив голову и не сводит с неё глаз. Она осунулась, выглядит злее, чем раньше и одновременно смиреннее. И красивее. Чем могу вам помочь? Что я могу для вас сделать? В голову лезут совершенно дурацкие фразы.

– Ну как ты? – наконец спрашиваю я.

Её глаза чуть сужаются, она немного поджимает губы, делает вдох и едва заметно напрягается, словно хочет подробно пояснить, как именно она себя чувствует и выдать всё, что думает о моей персоне. Но тут же берёт себя в руки.

– Я не в претензии, – тихо отвечает она. – Я хотела тебя

использовать для своих целей. И даже думала, что использую. Радовалась этому, торжествовала. Но оказалось, что это ты использовал меня. Во всех смыслах. Ну что же, мы стоим друг друга. Одного поля ягоды. А побеждает всегда сильнейший... Разница лишь в том, что если бы победила я, тебе бы хуже не стало. А вот твоя победа изменила моё положение в худшую сторону.

Ну, это как сказать. Не могу полностью согласиться, что не стало бы. Не могу. И с тем, что мы одного поля ягоды, тоже соглашаться не желаю. Давай, говори уже, чего пришла, подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя.

– Баранов меня зае... – она косится на дверь кухни, – задрал уже. Он ведь мне житья не даст. Уже взыскание объявил, от всех дел нормальных отстранил, орёт как сумасшедший. Злой, как собака. Пару раз сегодня оплеухи прилетали... Я понимаю, это не твоё дело и тебя не касается. И понимаю также, что ты решил идти до конца... Хотя... вот этого я как раз понять не могу. Зачем? Ведь я же тебе ничего плохого не делала. А хорошее делала.

– Сейчас не понял, – хмурюсь я. – Про хорошее понял, а вот, что значит идти до конца, мне не ясно.

Она тоже хмурится и мы оба сидим хмурые и недовольные.

– Не ожидала я от тебя... – практически шепчет она и качает головой.

– Так. Давай, пожалуйста, поточнее объяснись, а то я ма-

ло, что понимаю из твоих слов.

– Да чего тут понимать-то? Всё очень просто. Козёл ты, Егор. И, судя по всему, далеко пойдёшь с такими чудесными козлиными способностями.

– То есть ты пришла ночью и неизвестно сколько стояла под дверью только для того, чтобы сказать, что я козёл? Странно, Лида, – спокойно говорю я. – Объясни, пожалуйста, что по-твоему значит идти до конца?

– Не понимаешь? Это значит довести дело до суда. Понял теперь?

– Так ведь и дела нет никакого, – удивляюсь я.

– Серьёзно? Скажи ещё, что и заявление не писал.

– Вообще-то не писал. Когда бы я написать-то успел?

– Ясно всё с тобой, – говорит она, взмахивая рукой и вставая с дивана. – Не нужно было к тебе приходить. Дерьмо ты, а не человек.

– Да не писал я никакого заявления, глупость это.

Я тоже встаю и развожу руками:

– Наверное, Баранов желает тебя в коленопреклонённой позиции зафиксировать, чтобы ты дёрнуться не могла. А он будет тебя... вжик-вжик... ну, это самое.

– Чего?! – тянет она с угрозой в голосе.

У Раджа, не сводящего с неё глаз, шерсть на холке становится дыбом и он начинает едва слышно рычать.

– Да того! Тихо Радж! Просто никому не надо это дело заводить, сама что ли не просекаешь? Нужно с помощью ком-

промата держать твоего майора в узде и ездить на нём. А он, соответственно, хочет в узде держать тебя и вымещать на тебе злобу и сексуальную неудовлетворённость.

– А ну-ка! – делает Лида шаг ко мне и сжимает кулаки.

Раджа глухо предостерегающе гавкает.

– Да ладно, Лид, всё же просто. Уж ты-то сможешь его приструнить, я в тебя верю. Так что живи спокойно, ничего он с тобой не сделает. Уволиться не даст, орать будет, но ведь ты тоже имеешь на него компромат, насколько я понимаю. Да перестань ты, Раджа!

– Какой ещё компромат? – щурится она.

– Как какой? Эротический.

– Что-о-о?

– Ну ты же шантажируешь его женой, насколько я помню.

Она открывает рот и смотрит на меня долгим взглядом, и я понимаю, что до неё начинает доходить смысл.

– Так ты...

– Ну да, а как ты хотела?

– Ты подслушал, мелкий засранец! И это всё из-за ревности, да? Ты мне отомстить решил? Так что ли?

– Лидка, ладно, не смейся мои седины. В общем, никакого заявления нет и не будет. Пока ты работаешь, никто тебя не тронет. Ну и потом тоже не тронут. Когда станешь ненужной, я тебе дам сигнал, так и быть. И тогда ты сможешь спокойно ехать к родителям в деревню и выходить за зоотехника.

– Да пошёл ты, – говорит Лида и вдруг улыбается. – Мел-

кий засранец. Ладно. Я тоже пошла.

– Ну что же, иди, – соглашаюсь я. – Может чаю хочешь или перекусить?

– Да, я бы перекусила, – кивает она, – шею тебе. В нескольких местах и насмерть. Смотри, не попадайся мне на пути. Мелкий засранец.

– Ты трижды уже повторила про засранца.

Она приближает лицо к моему уху и шепчет:

– Если ещё раз тебя увижу, мелкий засранец, поймаю, за-тащу в глухое место и за\*бу до смерти. Понял?

Как легко можно поднять человеку настроение. Прямо на сердце приятно становится, от того что вижу её такой.

Мы идём в прихожую и мама, услышав, что гостья засобирались, тоже идёт туда.

– Вы уже уходите, Лидия Фёдоровна? – спрашивает она. – Может быть поужинаете с нами?

– Нет, спасибо, – улыбается Лида. – Мне уже пора. Завтра опять на работу с самого утра. Вернее сегодня уже.

– Даже в воскресенье нет вам покоя, – сочувственно киваю я.

– Нет, – поддакивает она. – Ни днём, ни ночью.

– Чего ей было нужно? – спрашивает мама, когда мы наконец-то садимся за стол.

– У нас на складе проверка, а её обвинили в получении взятки. Она сама из ОБХСС, вообще-то. И кто-то там сказал,

будто я где-то заявил, что якобы сам видел, как она брала деньги у завскладом.

– А ты видел?

– Нет, конечно. Это полная галиматья. Но она испугалась, что из-за моих слов может работы лишиться.

– А ты действительно ничего такого не говорил? – уточняет отец.

– Пап, ну ты что! Разумеется не говорил. Недоразумение, в общем. Глупые сплетни. Видели, как она обрадовалась, когда всё прояснилось?

– Что-то вокруг тебя сплошная милиция сегодня. Ты случайно не на юридический нацелился?

– Не думал вообще-то, – улыбаюсь я. – Они действительно прямо толкают меня в пучины юриспруденции. Но немного времени на раздумья у нас ещё есть, правда?

Ночью мне снятся пацаны из нашего взвода Серёга и Саня. Серёга тот ещё отморозок, я с ним после дембеля даже и не общался. Сразу послал в бан. Ему бы только грохнуть кого-нибудь. После войны крыша у него реально поехала. Столько блатарей завалил, просто жуть. Обставит всё так, комар носу не подточит, отпечатки, положения тел, оружие. Художник просто. Ну, а Саня, он всегда самым умным был, мол то не так, это не эдак, тупой ты, да какой ты мент после этого всего.

И вот стоят они передо мной, вижу, накатили уже. Дер-

жаты друг за дружку и кричат наперебой:

– Да ты лох, да тебя все имеют, как хотят.

– Ты не мент, ты лох в натуре. Ты должен был выследить одного и завалить ещё до того, как он весь этот стыд устроит.

– И мента мочить надо было и Рыжего, и Каху!

– А в бане надо было всем кишки выпустить, кроме одного. Ему нож в руку и всё спалить к хренам!

– Какой ты подпол, ты сержант в натуре, и тот младший!

Стоят они, кричат, перебивают друг друга, слюной брызжут. А я им спокойно так отвечаю:

– Идите вы лесом, пацаны. Приснитесь другому кому-нибудь.

Воскресенье я почти полностью провожу на диване. Встаю только, чтобы поесть, погулять с Раджем, и сделать хорошую растяжку. В остальное время валяюсь и читаю «Таис Афинскую». Да, ещё, чтобы не быть неблагодарной свиньёй тренькаю на гитаре. Мне приходится «сознаться», что, должно быть, из-за травмы я утратил все навыки.

Мама ужасается, а папа её успокаивает, утверждая, что всё восстановится. Но я-то знаю, что шансов на это практически нет. Хотя... хотя, вероятно всё же существует некая мышечная память или память тела, не знаю, потому что «играю», с позволения сказать, я немного лучше, чем в ипостаси Егора Доброва. Так что, если регулярно тренироваться,

можно достигнуть некоторого прогресса.

В интернет за аккордами и текстом, конечно, не нырнёшь, и не настроишь гитару с помощью мобилы, но кое-что же и в голове имеется. Но это я так, хохмы ради, зарабатывать на песне «Как упоительны в России вечера» или подсовывать Пугачёвой её же собственные хиты из будущего я не планирую. Пока, во всяком случае. В общем, сегодня день на расслабоне. Не хочу ни о чём думать. Хочу просто разгрузить мозги и тело.

А телом, кстати, пора уже заняться.

– Пап, – говорю я во время обеда. – А как ты думаешь, ты бы мог договориться, чтобы я у вас в училище тренировался с курсантами? Там же есть самбо или может быть даже каратэ?

– О, как, – удивляется отец. – Самбо есть, но не в таком объёме, как у десантников. Инструктора, вроде хорошие. Не знаю, разрешат или нет, но спросить спрошу.

– Я думаю, и Андрюха Терентьев, Трыня наш, тоже бы захотел позаниматься.

– Ну, ты прям целую команду хочешь пристроить. Не знаю. Я сам там без году неделя.

– Ну ты же там всех знаешь по прошлым делам ещё.

– Знаю так-то, но у нас сейчас начальник училища новый, так что неизвестно, какие порядки. Я же только прибыл считай и сразу на больничный. Пойду вот завтра. Буду уже помаленьку втягиваться в процесс.

Часов в пять приходит Трыня. Выглядит он немного взволнованно, но ничего не объясняет.

– Потом поговорим, – бросает он, когда я пытаюсь выяснить в чём дело.

Мы болтаем, тренькаем на гитаре, вернее воем и ревём на гитаре и уламываем папу пробить нам пару раз в неделю возможность тренировок. Андрюха прям очень сильно загорается этой идеей, и отец обещает сделать всё, что возможно.

Потом ужинаем. Со дня рождения уже ничего не осталось. Поэтому мы с Трыней едим магазинные пельмени, а родители паровую рыбу. Нам тоже предлагают, но мы отказываемся. Я эти смешные подушечки, помню, в детстве любил. Практически та же колбаса, только в тесте.

Нет, вру, конечно. Вкус совсем другой, от колбасы и близко ничего нет, только консистенция. Некоторые пельмешки развариваются, сбрасывая свои шкурки из теста, и остаются голыми, маленькими розовато-серыми пенёчками или пеллетами, чтобы не сказать чего похуже.

В моей глубокой тарелке оказываются и разваренные, и не разваренные, и пенёчки, и шкурки. Я заливаю их густым слоем сметаны и посыпаю чёрным перцем. Самое смешное, что мне это безобразие нравится. Я просто кайфую от него. Да ещё и с кусочком чёрного хлеба. Просто атас. Каждый день есть не буду, но в охотку, первый раз лет за тридцать... Просто огонь. Мама смотрит с удивлением, а я наяриваю,

только за ушами трещит.

Наевшись и напившись чая, выходим на улицу, погулять с Раджем.

– Ну, рассказывай, конспиратор, что там стряслось? – спрашиваю я. – Выдержка у тебя, как у Штирлица, конечно. Молодец.

– Да чё рассказывать? Ты же и сам поди знаешь.

– Про одноногого что ли? – спрашиваю я.

– Ага, – кивает Трыня.

– Я не всё знаю. Расскажи, чем там дело кончилось, если в курсе.

– Ну ты матёрый, конечно. Я, если честно, опупел конкретно. Как ты вообще пятерых уделал? Я не всё знаю, но у нас интернат весь день сегодня кипит. Все про крутого Бру говорят.

– Ну, расскажи, что знаешь.

– Во первых, я чуть не поседел, как Брут, когда узнал, что тебя к Джагиру поволокли.

– Какой ещё Брут?

– Ну, этот, Хома, из Вия, – пожимает он плечами.

– Смотри-ка, – удивляюсь я, – ну-ну, продолжай. А, нет, погоди-погоди. А если бы его план увенчался успехом, ты бы перестал со мной общаться?

Трыня зависает сначала, но быстро соображает, о чём речь.

– Во-первых, – говорит он с обидой в голосе, – они бы тебя

так отделали, что ты бы ещё нескоро смог общаться, если вообще смог бы. Въезжаешь, да? А, во-вторых, нет, я бы не перестал.

– Ладно, – я приобнимаю его за плечо, – извини, что спросил. Правда. Глупость сморозил.

– Фигня, – великодушно прощает он. – Ну, короче, я не знаю, как ты это сделал, но ты теперь легенда.

– Легенда о динозавре, – говорю я. – Хреново, вообще-то. Легенду все хотят сокрушить, а мне это вообще не надо.

– Ну, теперь ничего не поделать. Короче. Джагир и Цыган в больничке. Цыган в розыске был и Боня тоже. Цыгана взяли. У него рожа ошпарена, но как бы не сильно. Глаза не пострадали. И сотряс у него. Конь в норме. У Фета челюсть сломана и зубов нет. У Джагира черепно-мозговая, но вроде очухается. У Бони сотрясение по ходу, но он в больничку не ходил. Конь вообще огурцом, ничё не сломано. Боня и Конь свалили оттуда, они не при делах как бы. Конь самый молодой. Он у нас в десятом классе учится. А Боня и Фет тоже у нас учились, ну, раньше, то есть. Менты вроде на пьяную драку решили всё списать. У них праздник, Цыгана поймали, хотят на него всё и повесить. Может и Джагиру тоже чего припаяют.

– Кто что говорит? Не ваши пацаны, естественно, а от блатных какие разговоры слышны? Или от Кахи что-нибудь?

– Каха говорит, что Джагир сам виноват, беспредельничал, и за него никто впрягаться не будет. Короче, это типа его

дело. Ещё сказал, что никогда не говорил, будто ты на Джагу катил. Что не знает, с чего он это взял. Так что это дело чисто одноногого и тех, кто в нём участвовал. В общем, все умыли руки. Ещё сказал, что с тобой не закончил, что типа у него к тебе старый счёт остаётся, но сейчас пока не время. А потом, когда время придёт, он с тобой рассчитается. Пацаны говорят, что он просто ссыт и так типа на тормозах хочет спустить. Ну и вот. Конь язык в одно место засунул и ничего никому не говорит. Боня где-то шкерится, но за тобой вряд ли пойдёт. Все пацаны хотят научиться махать, как ты. Но только теперь если чё, если кто захочет тебя загасить, будут на тебя целой толпой ходить. Имей в виду.

– Придётся стать Шаолиньским монахом и Брюсом Ли.

– Это чё значит?

– Потом расскажу.

– Ладно. Короче, это Каха говорит, но как там на самом деле, я не знаю.

– Слушай, – говорю я. – Я теперь с тобой по улицам не буду ходить. Надо нам затаиться. Конспирацию соблюдать. Во-первых, будешь моими ушами, а во-вторых, тебе самому лучше не афишировать наши дружеские отношения. Спокойней будет. А про Рыжего, кстати, ничего не слышно?

В это время из-за угла дома появляется Рыбкина.

– О, мальчики, привет! – говорит она, подбегая к нам. – Давно гуляете?

Радж радостно лает, приветствуя её появление.

– Да, – отвечает Трыня, – давненько. Я вот собираюсь к себе уже возвращаться. А ты откуда и куда?

– Я к Ленке Мироновой ходила из параллельного класса.

Я поворачиваю голову и вижу, как из-за того же угла появляются ещё две фигуры и одна из них кажется мне знакомой. Ёлки... так это же Рыжий, собственной персоной. Неожиданно...

– Так, – говорю я. – Быстро. Андрей, бери Наташку и веди в подъезд.

– Почему это? – удивляется она.

– Быстро и без разговоров. В Наташкин идите, чтоб он тебя не срисовал, понял?.

– А... – начинает она, но встретившись со мной взглядом, тут же осекается.

– Мухой, я сказал.

Она недоумённо смотрит на меня, но позволяет быстро сориентировавшемуся Андрею увести себя к подъезду. Я же поворачиваюсь в сторону пришельцев и иду им навстречу. Сделав несколько шагов, останавливаюсь. Радж подбегает ко мне и становится чуть впереди, внимательно глядя на приближающихся людей.

Они останавливаются в паре шагов.

– Здорово, Бро, – неприязненно говорит Рыжий.

Руку он держит на перевязи, и манерно оттопыривает указательный палец, замотанный, как колбаска. Роба чёрная, даже в сумерках это хорошо видно. Рядом с ним стоит креп-

кий коренастый парняга лет тридцати. Он в спортивной шапочке и короткой кожаной куртке. Лицо безразличное. Глаза пустые. Думаю, он опасный и неудобный противник.

– Здорово, коли не шутишь, – отвечаю я. – Какими ветрами вас надуло?

– Это что ли и есть твоё Бро? – спрашивает коренастый.

– Ага, он, – говорит Рыжий, – Слышь, Бро, мы по твою душу пришли.

## **5. Решения съезда выполним**

Надо, наверное, с Раджой позаниматься, сделать его боевым псом. Хотя, жалко, конечно. Не хочется его мучить, да и в случае реальной заварухи ему может достаться, мама не горюй. Мы стоим и молча смотрим друг на друга. Искры, конечно не проскальзывают, но воздух становится гуще. Ну, говорите, вы же пришли, не я. Чего вам там нужно?

– Короче, Бро... – начинает Рыжий и замолкает, прикусывая губу.

Коренастый безразлично смотревший на меня, поворачивается к Рыжему и в его взгляде появляется любопытство.

– Мля... – мнётся Рыжий. – В общем, хочу замять инцидент... Был неправ.

Чего? Это типа он извиняется что ли?

– Но ты, вообще-то тоже! – голос его делается увереннее и злее, но будто что-то вспомнив, едва начав, он тут же замолкает.

Ну ладно, понимаю, извиняться трудно, да?

– Ты тоже меня прости, я уже пожалел, что так сорвался, – делаю я пилюлю не такой горькой.

Мне незачем строить из себя охрененного мачо, и глумиться над поверженным и униженным противником мне не нужно. Это мою самооценку не повысит. Он, всё равно, будет меня ненавидеть и при первом удобном случае ударит в спину. Но, по крайней мере, может не будет сам провоцировать подобные случаи.

– Ладно, чё, замяли значит, да? – уточняет он.

– Замяли, – соглашаюсь я.

– Слышь, зёма, а чё за зверь такой, а? – интересуется коренастый, рассматривая Раджа.

– Стаффордширский бультерьер, – отвечаю я. – Английская порода. Небольшую берёзу пополам перекусывает.

– Да ты чё? – удивляется он. – Продай.

– Не могу. Он только одного хозяина признаёт. Сдохнет без меня.

– Чё серьёзно? – удивляется он ещё больше. – Типа, как лебедь что ли? Красивый пёс. А ты где брал? Я тоже б себе такую взял.

– Из Риги отец привозил, – продолжаю импровизировать я. – Туда из-за границы завозят.

– А ещё поедет?

– Так он там служил. Он же военный.

– Мля... Слышь, Рыжий, в Риге никого нет у тебя?

Тот машет головой.

– Хорошая животинка. Если берёзу, то и руку запросто перекусит, а может и ногу, да?

Вот как бывает, человек явно криминального склада, за-  
костеневший во грехе, так сказать, а видишь как к живому  
тянется, прямо сердцем расцветает.

– Ну чё, всё тогда? – спрашивает Рыжий.

– Выходит, всё, – соглашаюсь я.

– Замирили?

– Ну, да.

Они уходят, а я иду к Наташкиному подъезду. Захожу и  
тихонько зову:

– Наташа, Андрей!

Тишина.

– Ау! – ещё раз зову я.

Наверное в квартиру поднялись. А какая квартира? Этого  
я и не знаю. Вроде как считается, что это само собой разу-  
меется, но вот... И что, все квартиры теперь обходить? Ну  
блин, мент в просак попал.

Но подмога приходит, и приходит она со стороны Раджа.  
Он уверенно поднимается и останавливается напротив двери  
на втором этаже.

– Раджа, точно? Не прикалываешься? А то может мстишь  
за то, что я про тебя наговорил коренастому парню с крими-  
нальной внешностью?

Радж фыркает, усиленно машет хвостом и нетерпеливо

гавкает. Дверь тут же открывается и из неё выглядывает взволнованная Рыбкина.

– Цел? – спрашивает она.

– В смысле? – как бы не понимаю я.

– Что в смысле, бока не намяли тебе?

– Ах это, – я улыбаюсь, – нет, не намяли. Ещё не родился тот, кто сможет мне бока намять.

– Хвастунишка, – криво улыбается она. – Я минимально одного такого человека знаю. Заходи, чего стоишь, вон собачка с ума сходит, как зайти хочет.

И верно, Радж весь раскачивается от движений своего хвоста. Переминается с ноги на ногу и то и дело оборачивается на меня, мол идёшь или что ты там вообще? При этом он поскуливает, охает, хрипит и, того и гляди, сорвётся в лай.

– Да ладно, Андрюхе в интернатуру свою чесать пора.

– Да заходи уже, чай с вишнёвым вареньем попьём. Вишнёвое варенье. Эй... Вишнёвое варенье. Что, больше не работает?

Это типа триггер такой, надо при этих словах слюни пускать?

– Я научился держать себя в руках, – отвечаю я и делаю Раджу сигнал заходить.

Он несётся в квартиру и начинает лаять, как сумасшедший. Я снимаю куртку, а Наташка подаёт мне тапочки. Всё-таки она настоящая красotka с большим потенциалом, юная лань, с румяными ланитами, тёмными, тяжёлыми, слег-

ка выющимися волосами до плеч. Тонкая девичья фигурка, ножки... Эх, где мои семнадцать лет...

Я прохожу и осматриваюсь. Собственно, всё как у нас. Квартира точно такая же, только на втором этаже. Крашеный пол, старенький диванчик, сервант...

– И кто этот человек?

– Какой человек? Который бока тебе намять сможет? Я, конечно. Сомневаешься?

Она смеётся. Ну, и я тоже.

Мы заходим на кухню. Трыня самозабвенно пьёт чай с вареньем. Моим, судя по всему.

– А где отец, на работе? – спрашиваю я. – Воскресенье же.

– У него выходных не бывает. Придёт скоро.

– У-у-у, – тяну я, – надо делать ноги, а то начнёт на мозги капать.

– Ладно тебе, – улыбается Наташка. – Испугался папку моего. Садись давай.

Я сажусь. Она ставит передо мной кружку с душистым, свежесваренным чаем.

– Ух-ты, со смородиной что ли?

– Со смородиной, иван-чаем и вишнёвым листом, твой любимый.

Надо же, у меня тут оказывается даже любимый чай имеется. Она ставит вазочку с вареньем, наклоняясь через меня, и как бы случайно прижимается ко мне грудью. Ох, Наташка-Наташка... Но я, конечно, не реагирую. Разве вправе я

реагировать на девичью чистую красу? Я ведь с секс-бомбами дело имею, с такими, как Таня и Лида, со жрицами страсти. А после них стыдно как-то...

Так что, мы пьём чай и болтаем ни о чём. Собственно, болтаем мы с Наташкой, а Трыня молча наяривает варенье.

Радж с упоением грызёт косточку, припасённую для него хозяйкой.

– Андрюх, ты прям как Карлсон, – улыбаюсь я.

– Спокойствие, – с серьёзным видом кивает он, – только спокойствие. Дело житейское.

– Андрей, ты с Юлей-то не встречался больше? – спрашивает Рыбкина, а сама подозрительно поглядывает на меня.

– Нет, – внезапно краснеет Трыня.

– А чего? – наседает она. – Пригласил бы её куда-нибудь. В кино, например, или в кафе. Мороженым бы угостил.

Трыня бурчит что-то совершенно невразумительное, и Наташка от него отстаёт. Мы ещё какое-то время сидим за столом и начинаем собираться. Дядя Гена не появляется и мы обходимся без выноса мозга, что само по себе очень даже неплохо.

Посидев ещё какое-то время, мы уходим.

– Андрюх, а правда, чего ты теряешься? – спрашиваю я. – Юлька прикольная девчонка. Позвони ей да своди куда-нибудь. Насчёт бабосиков не парься.

– А?

– Насчёт денег не переживай, я подкину маленько. На по-

гулять хватит. Ты телефон у неё узнал?

– Неа, – машет он головой.

– Ну, ты конечно лоханулся немного. Я у Витьки узнаю. Она сейчас у него обитает, а у него телефона нет. А хочешь? Хочешь к нему сходим? Я только собаку домой заведу.

– Не, ты чё! Как мы сходим-то! Не пойду я!

– Ну и балбес. Так бы вообще было органично. Пришли, посидели маленько да и всё. Возьмёшь телефончик в непри-  
нуждённой обстановке и дело в шляпе.

– Нет, я сказал, – психует Трыня. – Чё ты на меня нава-  
лился? Позвоню потом.

– Ты что, комплексуешь что ли?

– Эт чё значит?

– Ну, типа стесняешься?

– Да, блин, ну что ей со мной делать, я вон интернатов-  
ский, а у неё и нормальные пацаны наверно есть. Она вон  
какая классная.

Смотрю, «блин» нормально прижился в его речи.

– Хм. Я тебе один умный вещь скажу, только ты не оби-  
жайся, да?

– Да ну тебя, – отмахивается он.

– По сравнению с обычным «нормальным», – я показываю  
пальцами кавычки, – пацаном, который сидит у родичей на  
шее и жизни не знает, у тебя сто баллов преимущества. Ты  
самостоятельный, ты крутишься и выживаешь в конкретно  
жёстких условиях, а значит и девчонке своей можешь дать

гораздо больше.

Он смотрит на меня практически, открыв рот.

– Но при условии, конечно. При условии, что помимо аушной стороны жизни...

– Какой? – перебивает он.

– Ну, разбойничьей, той, где Кахи и прочее отребье. Так вот, помимо этой стороны ты должен развиваться. Не только физически, но и культурно. Читать, смотреть кино, учиться и стараться узнавать не только то, что в учебнике, понимаешь? Надо быть разносторонним человеком. Одной практической жилки и жизненного опыта мало. Пойдёшь в училище, добьёшься больших высот, если... Если! Запомни! Если будешь над собой работать. Не сильно занудно объясняю?

– Есть малёха, – усмехается он.

– Зато правда. Кто тебе правду скажет?

– Ну, такую правду училка каждый день впаривает.

– Вот и прислушайся. Я-то не училка.

– Да чё-то не уверен уже, – смеётся он. – Похож больно.

Смеётся, но я вижу, что что-то из моих слов проникает ему в голову.

– Ты Стругацких читал? – спрашиваю я.

– Неа.

– Хочешь? Это фантастика. Прикольные книжки. Могут дать.

– Ладно, в другой раз. Надо бежать уже, а то пистон вставят.

– Юльку не упусти, клёвая девчонка, я б и сам, – подначиваю его я, – но меня Наташка грохнет тогда.

– А, да, в натуре, – хохочет Трыня. – Она прям на тебя конкретно глаз положила. Это сразу видно. Ну а чё, так-то она красивая, ну и...

– Я тебе Юлькин телефон достану, – обещаю я. – А дальше ты уж сам. Не теряйся.

В школу я прихожу вовремя. Наташка своего добила, теперь мы не опаздываем. Прилежные ученики.

– Ты во сколько встаёшь? – спрашивает она по пути.

– В шесть.

– В шесть? – удивляется она. – Так рано? И не можешь вовремя выйти? Ты ванну принимаешь что ли и еду на неделю вперёд готовишь?

– Да, делаю там разное.

– Разное? – смеётся она. – Ну да, за это время можно много всего разного наделать.

Вообще-то, много времени уходит на зарядку. С сегодняшнего дня, помимо растяжки, я начинаю включать и силовой блок. Нужно ещё и с собакой погулять, и позавтракать, и душ принять. Короче, узнаешь, если когда-нибудь женишь меня на себе.

На перемене я подхожу к Витьку.

– Вить, слушай, два вопроса. Первый и не вопрос, а утверждение. Усилочник ты забабахал просто огонь, пушка и конец

света. Реально, ты очень крутой самоделкин, вот прям очень крутой.

Он лоснится, как блин от удовольствия. Но, что есть, то есть, я говорю то, что действительно думаю.

– И второе. Юлька ещё у тебя тусуется или домой вернулась?

– Домой, а чё?

– Узнай её телефон, пожалуйста. Помнишь, на днюхе у меня Андрюха был? Короче, он запал на неё а телефон не спросил, протормозил. Оке?

– А? Ну ладно. Я так не помню, но на следующей перемене спрошу. А чё ей сказать? Для тебя?

– Скажи для Андрюхи, но без телефона не возвращайся, понял? Не говори, что для меня.

Он лыбится:

– Ну ладно, чё, попробую.

Пока мы с ним болтаем, десять минут перемены заканчиваются, как всегда звонком, неотвратимым и беспощадным. Мы торопимся в кабинет математики и встречаемся с Крикуновым, идущим нам навстречу.

– Брагин! – говорит он недовольно. – Тебя где носит?

– В смысле, Андрей Михайлович? Вот же я.

– Пошли, я тебя с урока снимаю.

– Как это? У нас подготовка к контрольной, меня Марьяша к экзамену потом не допустит. Мне нельзя пропускать.

– Допустит, не переживай. Я уже договорился. Пошли со

мною. Давай быстро!

Мы идём, практически бежим по коридору. Впереди по курсу из мужского туалета выходит Ширяй, но увидев нас, ныряет обратно. Когда мы проносимся мимо, из туалета тянет табачным дымом.

– Курят, подлецы, – констатирует Крикунов, но шагает дальше.

– Да что случилось, если даже пресечение курения отстывает для вас на второй план, Андрей Михайлович?

– Опаздываем, вот что случилось! – недовольно отвечает он.

– Куда?! Куда опаздываем?

– Куда-куда, коту под муда! – в сердцах выдаёт он. – В горком опаздываем. Шевели уже поршнями своими.

– А вы знаете толк в обценной лексике, – подкальываю его я.

– Поумничай ещё.

– Но в горком же мы ещё только через две недели собирались. Поменяли график что ли? Что за пожар?

– Собирались, но мне позвонили и сказали срочно доставить тебя на бюро. Вот прямо сейчас. Давай, пока идём рассказывай.

– На бюро?

– На бюро горкома. Чего ты натворил? Говори, паразит. Если меня из-за тебя взгреют, я тебе не завидую. Понял? Говори сам, чтоб я придумать успел, что соврать.

– Может меня похвалить хотя.

– Хватит придуриваться, давай, признавайся. Соображай, откуда могли накапать? Из ментовки? К тебе тут недавно милиционер приходил. Из-за этого? Выбрали его секретарём, а он уголовник без пяти минут. Проворонили. Прохлопали. Твою мать. Ну, смотри! Если из-за тебя мне зарубят перевод в райком, амба тебе. Ни капли не шучу. Понимаешь ты меня? Говорят, у тебя с Каховским конфликт был. Да?

– Ну ё-моё, Андрей Михайлович! Вы-то откуда знаете? Вам-то сплетни не к лицу слушать. Вы же комсомольский вожак.

– Вожак – это ты. Но если из обкома капнули, что ты...

– Ну почему? – перебиваю я. – Что сразу про плохое думать? Вот увидите, всё хорошо будет. Я пятой точкой чувствую.

– Я тебе эту точку лично распиною, если мне в райком путь закроют. Понял ты меня?

– Дался вам этот райком, – усмехаюсь я. – Что там хорошего? То ли дело в школе работать. Интереснее ведь.

– Убью, Брагин!

– Ну где, вы ходите?! – набрасывается на нас солидный и уверенный дядечка в очках, когда мы забегаем в большое здание на Красной, неподалёку от рынка.

Сразу видно, аппаратчик. Строгий, собранный, сосредоточенный.

– Ирина Викторовна уже дважды о вас спрашивала, – журит он нас. – Проходите скорее. Верхнюю одежду в гардероб сдайте. Да скорее же! Ну, честное слово, товарищи!

– Ирина Викторовна – это кто? – спрашиваю я у Крикунова.

– Вот ты, комсорг школы, – качает он головой. – Убил бы. Вообще-то это первый секретарь горкома. Позорник ты, Брагин.

– Да я после травмы. Тут помню, тут не помню. Не верите?

– Иди давай, доцент.

– А доцент тупой...

Мы входим в просторный кабинет. Крикунов замирает в дверях, но поняв, что никто не обращает на него внимания, проходит дальше и я за ним. Мы присаживаемся за длинный стол, во главе которого на приличном расстоянии от нас восседает писаная красавица и, должно быть, стерва, каких мало.

Это и есть Ирина Викторовна, судя по всему. Она одета в строгий серый костюм. Однозначно импортный, причём явно импорт пришёл не из соцлагеря. Белая блуза едва сдерживает напор сочных и жизнелюбивых прелестей.

У неё длинные, объёмные и волнистые волосы, русые, слегка золотистые. И лицо Афродиты. Мне не видно всю фигуру, поскольку она сидит за столом, но фантазия помогает мне дорисовать всё, что нужно. В общем, она меня впечат-

ляет. На вид ей лет тридцать. Слишком молодая для меня. Хо-хо.

Позади Ирины Викторовны стоит красное знамя, как призыв к лучшим чувствам или священный символ и знак причастности к ордену. Из угла с деревянной полированной тумбы на нас взирает белый каменный бюст вождя пролетариата. За трибуной из такого же полированного дерева стоит мужик в костюме и читает по бумажке:

– Таким образом, комсомольские организации промышленных предприятий города играют важнейшую роль в выполнении поставленных на пленуме задач и целей. Они являются надёжной и незыблемой основой для эффективного и своевременного выполнения плана намеченных мероприятий по претворению решений восемнадцатого съезда ВЛКСМ и...

Брр... Я всматриваюсь в лица участников заседания. Я действительно единственный, кто не может понять, о чём идёт речь?

– Губарев, – прерывает выступающего Ирина. – Достаточно уже словоблудить! По-моему, вашим выступлениям недостаёт конкретики. Давайте уже голосовать. Пожалуйста, кто за предложение Губарева, то есть за расширение комиссии культурных и спортивных мероприятий, прошу голосовать.

Все поднимают руки. Я тоже поднимаю. Для хохмы, разумеется, полагая, что никто этого не заметит, но красавица с русыми волосами замечает.

– Вот это правильно, вот это по-комсомольски. Нужно сразу включаться в работу. Что же, друзья, хочу представить вам секретаря комитета школьной комсомольской организации шестьдесят второй школы Егора Брагина.

Ого. Вот это честь. Крикунов пихает меня в бок, вставай мол, и я неохотно поднимаюсь.

– Вот он, посмотрите на него. Под его руководством школьная комсомольская организация добилась победы в олимпийском смотре школ города. Вот вы знали об этом, товарищ Губарев?

Товарищ Губарев ничего не знал об этом, впрочем, так же, как и я. Я с недоумением смотрю на Крикунова, но он только кивает и улыбается.

– И это не единственное достижение Егора, – продолжает Ирина Викторовна. – Сегодня я разговаривала с товарищами из горкома партии и они сообщили мне, что Егор лично помог милиции раскрыть преступление и предотвратил расхищение социалистической собственности на крупную сумму. И выступил с пламенной речью перед сотрудниками предприятия, где всё это и происходило.

Чего?!?! Серьёзно?!?! Ай да товарищ Ефим, ай да сукин сын!

– Мы с вами недавно говорили о необходимости привлекать школьников к делам городского комсомола. Так почему бы нам не попробовать и не начать именно с Егора Брагина? Я уже переговорила с руководителем городского комсомоль-

ского штаба, и получила хорошую характеристику на Егора. Так что, друзья, давайте без лишних формальностей проголосуем за его включение в качестве внештатного члена бюро. Но сначала, разумеется, спросим мнение товарища Крикунова, который знает Егора лучше нас всех. Самого Крикунова, думаю, представлять не нужно. Это наш с вами боевой товарищ, можно сказать, оступившийся, но не потерявший комсомольского задора.

Понятно, значит, школа – это ссылка.

Он встаёт и начинает задвигать, какой я надёжный, ответственный и преданный делу Ленина. Может же, когда захочет, змей...

В общем, все голосуют единогласно. И это означает, что раз или два в месяц мне нужно будет бросать всё и лететь на заседание. Однако...

Мой вопрос оказывается последним в повестки и после оглашения всех решений, заседание объявляется закрытым.

– Это что за херня? – шепчет мне Крикунов. – Что за херня, Брагин?

Ну как тут объяснить?

Первый секретарь после заседания подходит прямо к нам.

– Ну что, – говорит она, рассматривая меня, – я Новицкая Ирина Викторовна.

Она протягивает руку, и я деликатно её пожимаю. Я тоже её рассматриваю. Вблизи она ещё красивее.

– Сколько тебе лет? – спрашивает она.

– Семнадцать.

А тебе? мысленно задаю я вопрос.

– Ну что же, Егор. Нам надо с тобой поближе познакомиться.

– Я совсем не против, – с готовностью говорю я и широко улыбаюсь.

Боюсь только, улыбка получается чересчур плотоядной.

– Ну хорошо, – усмехается она. – Слыхали мы такое. Да, Андрей Михайлович?

Он краснеет и на этом всё заканчивается.

– И почему ты мне ничего не сказал? – накидывается он на меня, когда мы выходим из горкома.

– Так что я мог сказать? Я сам был огорошен!

– А про помощь милиции почему не сказал?

– Так это... – соображаю я, что бы соврать, – операция засекреченной была, о ней нельзя распространяться. Да я и не думал, что тот парень из горкома партии окажется.

– Ясно всё с тобой. Бестолочь ты и есть. Смотри, с Новиковой поосторожнее. Проглотит и не подавится. У неё знаешь кличка какая?

– Откуда мне знать, Андрей Михайлович?

– Клеопа. Это в честь Клеопатры. Улавливаешь почему?

– Нет, – делаю я вид, будто не улавливаю.

– Потому что ведёт себя, как самка богомола. Ну да тебе ещё, пожалуй, рано такие вещи понимать. Просто держись от неё подальше и всё.

Похоже, кто-то за аморалку полетел. Забавно да? Аморальное поведение? Иди в школу, детей учи.

Мы прощаемся и я иду домой. Ну что же, нужно подумать, как можно применять своё новое положение. Разумеется, эта должность, или как это назвать, никаких сиюминутных выгод не даёт. Зато при поступлении в ВУЗ и устройстве на работу плюшки обеспечены.

Размышляя, я подхожу к дому. Сворачиваю во двор и иду к своему подъезду. У сугроба стоит белый "Жигулёнок". Ну стоит да стоит, никому вроде не мешает. Я иду себе по своему маршруту. Однако, когда прохожу мимо машины, раздаётся резкий сигнал клаксона.

Окошко открывается и из него выглядывает, тот самый коренастый, что приходил вместе с Рыжим...

– Слышь, Бро, – говорит он в открытое окно. – Залезай.

– Зачем это? – интересуюсь я.

Признаюсь, такой поворот событий мне не слишком по нраву.

– Разговор есть, – говорит он. – Надо обсудить кое-что.

– Так вроде обсудили уже всё.

– Да полезай ты, не ссы, ещё надо кое-что перетереть.

Мне ничего не остаётся, как усесться в машину. Я пристёгиваюсь ремнём, который, как в самолёте, не подтягивается автоматически, а свободно ложится мне на грудь, как орденская лента фельдмаршала Кутузова.

## **6. Мы должны что-то предпринять**

– Куда едем? – спрашиваю я.

– В «Кавказскую Кухню», – отвечает коренастый. – За «Комсомольским парком», знаешь такую?

– Слышал, – киваю я, – но посещать не доводилось.

– Ну вот, сейчас посетишь. Шашлык, люля и тополя.

Я снова киваю.

– Ну как там собачка твоя? – спрашивает он. – Хорошая, прям забыть не могу. Как зовут?

– Раджа.

– Чё, в натуре? Нахера такое имя? Как в кино что ли?

– А это не мы придумали. Батя такого уже купил.

– Понятно.

– Да нормально, привыкли уже.

Чего он прилепился к собаке моей? Может заняться разведением метисов?

– А тебя-то как величать? – спрашиваю я через некоторое время.

– Киргиз, – отвечает он.

– Чёт не похож, – говорю я с сомнением в голосе.

– Ага, не похож. У меня мать киргизка, а батя русский.

Вот погоняло и прилипло такое. А у тебя чё за кликуха?

– Рыжий с Кахой сочинили. Это типа «братан» по-английски.

– А, братан, ну так-то нормально. Почему по-английски? Ты чё, англичанин типа?

– Да кто их знает, – пожимаю я плечами. – Это их надо спрашивать. Так зачем мы едем в «Кавказскую кухню», Киргиз?

– Сказано привезти, я везу. Я не спрашиваю.

– А кто сказал?

– Слышь, Бро, ты мент по ходу. Чё столько вопросов? Приедем, узнаешь. Сам поймёшь.

Ну, и, собственно, да, кое-что я понимаю. По крайней мере, человека, сидящего за столом я узнаю. В своё время я видел много его фотографий и читал про него. Он станет известной личностью. Будет участвовать во многих криминальных процессах. Ну, и в бизнесе тоже след свой оставит. А после четырнадцатого года исчезнет с радаров, навсегда оставшись во всероссийском розыске по подозрению в четырёх убийствах при практически полном отсутствии улик.

Это Паша Цвет. Сейчас он здесь пытается, так сказать, шишку держать, отхватить кусок побольше и подмять под себя весь город. И вскоре ему это удастся. Потом он уедет завоёвывать Новосиб, но там дело не заладится и его влияние там будет так-сяк, а вот в Красноярске он задержится надолго и оттуда дойдёт аж до Москвы матушки. Талантливый организатор, жестокий предводитель, дерзкий предприниматель.

Сейчас ему лет двадцать семь. Молодой да ранний. Смотрит на меня исподлобья, с видимым интересом. Я стою спокойно, не егожу, отвечаю на взгляд уверенно.

– Ты что ли и есть Бро? – спрашивает он, осмотрев меня с головы до ног.

– Да, – соглашаюсь я.

Он кивает на стул перед собой и делает знак официанту, чтобы мне принесли еду. Киргиз присаживается рядом.

– Знаешь меня? – продолжает он спрашивать.

– Да, – снова говорю я. – Ты Паша Цвет.

– Ну надо же, – удивляется он и поворачивается к Киргизу. – Ты что ли ляпнул?

– Не, я ничего не говорил, – пожимает тот плечами.

– И как узнал? – спрашивает Цвет. – На афишах вроде меня не печатают.

Лицо у него обычное. Ни уродливое, ни красивое и даже, можно сказать, незапоминающееся. Волосы не длинные, но и не короткие, нормальные. Широкие монгольские скулы, блёклые, глядящие в упор, карие глаза, плотно сжатые губы и массивный подбородок. Он вообще, выглядит довольно массивно, несмотря на свою молодость.

– Ну, так. Догадался. Пацаны рассказывали, как ты выглядишь.

Он морщит лоб, о чём-то думая. Я осматриваюсь. В зале почти никого нет. Интерьер неуютный, почти дешманский, но пахнет хорошо. Запах напоминает мне, что я голодный. Мне и Киргизу приносят шашлык.

– Ешь, – говорит Цвет. – Я решил посмотреть, что за Илья Муромец тут у нас завёлся, а ты так вроде и на Алёшу не

тянешь Поповича. И как же ты сумел столько народу перебить? Нет, я понимаю, они кретины, включая Джагира, но их всё-таки пятеро было.

– Один уходил за пивом, – отвечаю я, поглядывая на чудесно пахнущий шашлык. – Боня. А остальные слишком расслабились. Их же больше было, вот и не ожидали, что что-то может пойти не так. Думаю, чисто психологический момент.

– Психологический? – переспрашивает он и смотрит на Киргиза.

Тот, жадно рубает шашлык, успевая, впрочем, равнодушно поглядывать по сторонам и на меня тоже.

– Ну да. Плюс элемент везения.

– Элемент?

– И неожиданности, – добавляю я.

– Вот значит как... – говорит Паша задумчиво и слегка покачивает головой. – Да ты ешь-ешь.

Не нравится мне эта беседа. Не понимаю цели. Для чего? Хочет меня наказать? На место поставить? Чего он добивается?

– Но я хочу сказать, их нападение было ничем с моей стороны не спровоцировано.

– Неужели?

– То что я, якобы, говорил о его сыне, это неправда, – я намеренно не использую воровской жаргон, чтобы он не думал, что я стремлюсь казаться своим. – Пусть тот, кто это утверждает, скажет, когда, что и где от меня слышал. Пусть

мне скажет. Но он не скажет, потому что такого не было. А Джагу я, если бы его не загребли, своими руками бы задавил. Это подтверждаю. Потому что он моего отца пырнул и сделал инвалидом. Причём, беспричинно. Так что да, я на него имею зуб.

– Ну, ты сильно-то здесь не гоношись, ты его отца тоже инвалидом сделал, вообще-то.

– При всём уважении, – говорю я, – он уже и был инвалидом. Как физически, так и психически.

Киргиз хмыкает и лыбится.

– В натуре, Цвет, он реально инвалид конченный, на всю голову debil, – говорит он.

– Да ладно, не кипишуй, – успокаивает меня Цвет. – Тебе же Киргиз сказал, никто не предъявляет, за Рыжего тоже. Я так понял, он тоже сам налетел?

– Кто, Рыжий? Ну да, – подтверждаю я.

– Мне вот интересно просто, кто ты такой? По жизни, так сказать.

– Да никто. Лошара по-вашему.

– Ну, а чё ты делаешь, лошара? – чуть прищурившись и хмыкая, говорит он. – С чего живёшь?

– Школу заканчиваю. Вот и всё, в принципе.

– В натуре, лох, – соглашается Киргиз.

– А про ставки ты Каху надоумил?

Я пару секунд размышляю, что ответить, но решаю, что смысла врать нет.

– Ну да, – киваю я. – Но они, в общем-то с Рыжим там мутят, я вообще не при делах. Может поставлю как-нибудь, если Рыжий позволит.

– По ходу щас он у тебя будет разрешение спрашивать, – ржёт Киргиз.

– Да не, зачем, мы с ним все вопросы закрыли, ты сам видел, – возражаю я.

– Закрыли, ага, а то я Рыжего не знаю, – криво усмехается он. – Жди подлянку в натуре. Но как бы это дело не моё. С лохом можно чё угодно делать. Ты ж сам сказал, что лох, я тебя за язык не тянул, да? Цвет, раз он лох, может и не говорить?

Цвет молча кивает.

– Ладно, – пожимает плечами Киргиз. – Скажу. Ты хоть и наделал дел, но считай фарт словил. Цвет тебе предъявлять не будет. Потому что одноногий берега попутал, ему так и так надо было рога поотшибать. С Рыжим всё порешали, Каха сказал, он не прав был. Претензий нет. Живи.

Хорошо. Только странно. Меня что, ради этого сюда притащили? Чтобы сказать, что не имеют ко мне претензий? Нет, что-то им надо. А может, просто любопытно стало, кто это такой дерзкий завёлся?

– А ты откуда про тотализатор знаешь? – спрашивает меня Цвет. – В смысле, что и как делать надо. Работал где-то?

– Ну... – я делаю паузу, что сказать-то ему... откуда-откуда... – Читал... Интересовался вопросом.

– А Алика откуда знаешь?

– А я Алика не знаю, – пожимаю я плечами.

– Как так? – хмурит он брови. – Ты ж к нему Каху привёл.

– Альберта, – напористо говорит Киргиз. – Чё не знаешь что ли?

– А... не сообразил просто... Ну мне сказал один чел, который ходит в бар к нему, типа попробуй там.

– Чел?

– Клиент его.

Оба они пристально смотрят на меня, но больше ничего не говорю.

– А про казино ты ничего не читал? – спрашивает Цвет.

– Ну, так... кое-что. В принципе представляю.

– Понятно, – говорит он.

Теперь и мне более-менее понятно. Хочешь катран открыть?

– Посмотрим, как у тебя со ставками дело пойдёт. Если что, дёрну тебя. Может, спрошу чего. А может и нет. Это всё. Киргиз, погнали.

Так и есть, хочешь.

Они встают и Киргиз на ходу запихивает в рот последний кусок мяса. Я оборачиваюсь и смотрю им вслед. Цвет идёт широко расставив плечи. «Человек шагает, как хозяин необъятной Родины своей». Настоящий барин и господин...

Жрать охота, но с его руки мне есть как-то не пристало. Поэтому я тоже поднимаюсь из-за стола и выйдя из ресто-

рана, иду на остановку. Доезжаю на автобусе до «Мужской одежды» и по пути к дому захожу в гастроном на проспекте Ленина, тот, что со временем получит в народе название «Белая лошадь».

Покупаю кефир, котлеты, сделанные как бы из мяса, но в основном из хлеба, сушки и макароны. А ещё пакет зелёных кофе-зёрен. Бинго! Откуда и какой сорт неизвестно. Но, как говорится, не до жиру. Надо теперь кофемолку раздобыть. Интересно, электрические уже существуют?

С этими трофеями иду домой и по-быстрому сочиняю обед. Вернее, делаю его разнообразнее, потому что в холодильнике имеется сваренный мамой борщ. Отца дома нет. Он, как и говорил, отправился сегодня в училище. По идее, он ещё на больничном, но решил уже начинать потихоньку входить в процесс, чтобы не срывать учебные планы.

Только я сажусь за стол, раздаётся звонок. Это Большак. Интересуется, как мои делишки и предлагает вечером встретиться. Хочет со мной поговорить. Ну что же, давай поговорим, Юрий Платоныч.

Вскоре приходит отец. Бледный, как полотно, но несгибаемый.

– Ничего-ничего, – говорит он, – мы пскопские, мы про-рвёмся.

Я подогреваю ему его диетическую еду и он идёт обедать или ужинать. Уже и не поймёшь.

– Егорка, я поговорил с Виталием Тимуровичем Скачко-

вым, он рукопашку ведёт. Так вот, он сказал, в училище не разрешат. Но он в спортивной школе ведёт секцию самбо. Говорит, примет тебя, если ты не мешок, конечно. Но ты вроде не мешок.

– Блин, пап! Ну это не то! Это же спортивное самбо, а мне боевое надо.

– Зачем тебе боевое-то? Ты в морскую пехоту собрался что ли? Ну там и научат, если что.

– Я же в спорт не собираюсь идти, понимаешь? Да и куда, мне лет-то сколько! Мне чисто прикладные навыки нужно поддерживать... ну... то есть освоить. Самооборону. Мне просто для жизни, для собственного использования, как личное тайное оружие.

– Ну, оружие нельзя. Был бы ты военным, тогда другое дело.

– Ну ты-то военный, договорись по блату.

– Хитёр ты брат, – качает он головой. – Понимаю. Я мальчишкой тоже о таких штуках мечтал. Поэтому и в армию пошёл. Не только поэтому, но поэтому тоже. Ну тут уж придётся выбирать. Спорт или боевые навыки, а значит армия. Другого не дано.

– Ну, может возможно как-то со слонами вашими тренироваться? – спрашиваю я. – Ты же с начальством не говорил ещё, вдруг разрешат? Может попробуешь?

Этот диалог напоминает мне разговор с собственной вечно что-то выпрашивающей дочерью. Только здесь в её шкуре

оказываюсь я сам.

– С какими ещё слонами? – начинает сердиться он. – Порядок для всех один, понимаешь? Ты хочешь, чтобы для тебя особые условия создавали?

– Не, пап, я понимаю ты бы прогневался, если бы я тебя просил помочь от армии откосить. Но я наоборот, прошу помочь получить боевые навыки. Чего ты сердишься-то?

– Так, – говорит он. – Я всё сказал. Либо идёшь в «Динамо» к Тимурычу, либо поступаешь в военное училище. Третьего не дано. Ясно?

– Так точно, – недовольно отвечаю я.

– Кругом марш, – командует он и сосредоточивается на чашке с чаем.

– Он там, наверное, ещё и по остаточному принципу, раз в полгода, в свободное от работы время, – не унимаюсь я.

– Ты когда таким нудным стал, а? – спрашивает отец. – Думаешь, не мытьём, так катаньем своего добьёшься? Иди уроки делай. На секцию, кстати, можешь уже завтра сходить. Я его предупредил.

Иду в спальню и сажусь за уроки, а отец ложится на диван. Видать худо ему, а я со своим самбо прицепился. Так, ладно, надо же и примеры порешать, прокачаться, так сказать, в математике. Вон Берёза, чего намутил со своим математическим складом ума...

Примерчики поддаются, так что, когда звонит Рыбкина, проверить сделал ли я домашку, я с гордостью рапортую о

достигнутых результатах. Вскоре с работы приходит мама. Она хвалит меня за котлеты, потому что благодаря им, ей не придётся готовить ужин. Впрочем, я, всё равно, уйду.

– Я у Платоныча поужинаю, – говорю я. – Он меня пригласил сегодня.

– Что-то ты зачастил к нему, – хмурится батя. – Не стоит слишком злоупотреблять гостеприимством человека. Тем более, занятого человека.

– Пап, ну он же сам пригласил. У нас там партия шахматная не закончена. Хотим сегодня расставить точки над и.

– Серьёзно? – удивляется он. – Я и не знал, что ты шахматами увлекаешься...

– Ну... Вот, да. Не то, чтобы прямо до фанатизма, но так, интересуюсь немного.

– Надо будет с тобой сыграть как-нибудь.

– Ладно, – улыбаюсь я. – Только на лёгкую победу не рассчитывай.

– Юрий Платонович, вы в шахматы играете? – спрашиваю я, усаживаясь за кухонный стол. – А то я отцу сказал, что мы с вами рубимся здесь нещадно.

– Зачем наврал?

– Да, волнуется родитель, что это мальчик зачастил к взрослому дяде?

– Ты, значит шахматами прикрылся? Буду иметь в виду. Я правда тот ещё шахматист. Единственное, что знаю – это

защита Лужина.

– Ого, где это вы Набокова нашли? Он же вроде как бы того.

– Да, почитываем кое-что, почитываем, – хитро улыбается он.

– В «Защите Лужина», кстати, описывается реальная партия между Рети и Алехиным.

– Надеюсь, с твоим отцом мне её разыгрывать придётся.

– Да он, вроде, не слишком продвинутый шахматист, – пожимаю я плечами. – У вас опять пельмени?

– Ты возражаешь? – он даже теряется немного.

– Нет, не возражаю, – мотаю я головой. – Тело молодое, запас прочности ещё есть. А сметанка-то имеется?

Мы едим и я рассказываю о своём внезапном восхождении на комсомольский олимп и о встрече с Пашей Цветом. Платоныч только головой качает.

– Ну с комсомолом-то понятно, это Ефим подсуетился. Он хочет тебя к рукам прибрать, перспективу в тебе увидел. Дело хорошее. Я, признаюсь, дал ему добро на это, хоть и не ожидал, что он так быстро рванёт. С места в карьер буквально. А вот чего от тебя Цвету надо не пойму. На всякий случай притухни пока, не высывайся. Надо понаблюдать да помозговать.

После пельменей Большак варит кофе и мы идём в гостиную, как настоящие джентльмены. Не хватает только сигар и камина.

– Вот, держи, – говорит Платоныч и кладёт передо мной стопочку красненьких. – Двести рэ.

– Ого, – поднимаю я брови. – Это что?

– Это зарплата твоя и премиальные.

– Не многовато ли? Я даже месяца не отработал.

– Нормально, – кивает Большак, – не много. И вот ещё. Духи. За них я деньги вычел, не переживай.

Он ставит передо мной синюю коробочку «Клима».

– Скоро же у мамы день рождения, так ведь? – спрашивает он. – Ну вот и подарок твой, как обещал.

– Да как-то чересчур щедро, Юрий Платонович. И так меня задали.

– Слушай, деньги не из моего кармана, а из прибыли. Понимаешь? Решение было общим, так что всё честно. Ты действительно операцию провернул серьёзную и одним ударом решил кучу наших проблем. Так что бери смело. Ты вот что скажи, по поводу работы точно решил?

– Точно. Увольняйте со склада, а к Любе я завтра съезжу и скажу, что надо к экзаменам готовиться.

– Ну ладно, как знаешь. Ну, и чего делать будешь?

– Учиться, учиться и ещё раз учиться. Хотя, если честно, с одной стороны, время на это тратить не хочется. Я же парень и без того учёный. Но, с другой стороны, пока не «началось», как говорится, можно постараться освоить перспективные специальности. Экономику, например. Хотя в новом мире она будет совсем другой. Не знаю, в общем. Не опре-

делился ещё. Думаю.

– Ну, думай. Времени, впрочем, почти нет, так что думай скорее. Что делать-то? Я сейчас не про образование, а вообще, в глобальном смысле, понимаешь? Я всё прокручиваю то, что ты мне рассказал и не могу понять, чего хочу.

– Ну, для человеческих существ, – усмехаюсь я, – это как бы норма. Вечно мы не знаем, чего хотим.

– Понимаешь, результаты вашей перестройки повергли меня в уныние. То, что стало... станет со страной – это просто катастрофа. Но, с другой стороны, к этой катастрофе приведут не только действия ваших олигархов и прочее. Ведь то, что сейчас происходит, уже создаёт предпосылки для этого. Правильно?

Я смотрю на него и не отвечаю.

– Вот и получается, что надо выбирать из двух хреновых вариантов.

– Цугцванг, – говорю я.

– Вот именно, – кивает он. – Сохранять совок, как ты его называешь, в том виде, как мы сейчас имеем, нельзя. Нужны какие-то изменения. Я, честно говоря, как человек дела, ты понимаешь меня, думаю, что свободное предпринимательство, должно быть. И свободы должны быть, и права человека эти сраные...

– Тут вот какой момент, Юрий Платонович. Ничего этого не существует, свобод то есть. Это ведь лишь... ну как объяснить-то. Ну вот смотрите, вот у вас икона висит, – я пока-

зываю на старинную икону на стене. – Это образ Всевышнего, так? Образ истины.

– Да, – соглашается он.

– А демократия – это образ искажённой идеи. Видите разницу? То, что мы называем демократией – это извращённое изображение изначально неосуществимого идеала. Просто всё обставлено так, что на первый взгляд можно подумать, да, вот она демократия. Она есть и я её вижу. Но знаете, это сплошная манипуляция. Матрица. Правда, в ней жить приятно. Приятнее же думать, что ешь сочный бифштекс, в то время, как сам являешься едой для огромной машины, чем осознавать истину и жить в вечных страданиях. Слушайте, это большой разговор. Давайте потом как-нибудь к нему вернёмся.

– Так что делать-то?

– Вы так спрашиваете, будто у нас тут теневое правительство с неограниченным ресурсом и мы решаем, какой же нам путь выбрать, какую ещё модель попробовать на этих жалких людишках. Вы Рокфеллер, а я Ротшильд.

Я улыбаюсь.

– Но мы должны что-то предпринять! – уверенно говорит Большак.

– Ну давайте пойдём путём китайских товарищей. Как вам такое?

– Это что ещё за путь?

– Сейчас расскажу, если хотите. Но, на самом деле, да,

делать что-то надо. И у меня мыслишки имеются кое-какие. Вот смотрите, в принципе...

В этот момент раздаётся телефонный звонок.

– Извини, – говорит Большак, вставая с кресла. – Сейчас вернусь.

Он идёт в прихожую к звонящему телефону и практически сразу возвращается.

– Егор, – говорит он. – Мама твоя звонит.

Я подхожу к телефону.

– Алло...

– Егор, тут такое дело, только ты не расстраивайся...

Такие вступления... блин, от таких вступлений становится не легче, а наоборот

– Я пошла гулять с Раджой, чтобы тебе ночью потом не пришлось его выводить.

Я молчу, терпеливо сжимая зубы, не перебивая и не поторапливая...

– В общем Раджа убежал.

– Как убежал?

Ничего более глупого и спросить нельзя.

– Не знаю. Мы с отцом уже всю округу обежали, нигде нет. Я с ним домой возвращалась, и он побежал вперёд к подъезду. Он часто так делает. Я и не придавала значения. А потом к дому подхожу, его нет. Там перед этим машина отъезжала. Я испугалась, думала, вдруг он под машину попал... Но нет, ничего такого...

– Какая машина была, ты не запомнила?

– Да я в них не разбираюсь. Белая какая-то...

Белая! Твою же за ногу! Белая!

– Ладно, мам, не переживай. Прибежит, побегаёт немного и прибежит. Я его ещё поищу немного...

Я вешаю трубку и хватаю с вешалки куртку.

– Знаете, как Киргиза найти? – спрашиваю я.

– Нет конечно, – удивлённо отвечает Платоныч. – А что случилось?

– Он мою собаку украл!

## **7. Иногда я умею убеждать**

– погоди! – кричит мне вслед Платоныч, когда я выскакиваю из квартиры. – Я тебя подвезу на машине.

– Нет! – отвечаю я. – Не надо, вас светить. Ни к чему это.

Я несусь вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки.

«Цок-цок-цок», – доносится снизу. Кто-то энергично поднимается на каблуках. Просто отмечаю это для себя. Разумеется, отвлекаться на дамские каблочки я не намерен. Я лавиной скатываюсь вниз. А навстречу мне идёт молодая женщина с роскошной шевелюрой. Идёт без шапки, в лёгком пальто, импортном. Вероятно приехала на авто.

Отмечаю это машинально и уже практически пролетаю мимо, как вдруг... Ба!

– Егор... э...

– Брагин, Ирина Викторовна. Добрый вечер.

Это же первый секретарь горкома! Вот так встреча. Она что, живёт здесь? А почему Большак об этом не сказал?

– Да, Брагин, – довольно строго говорит она и смотрит тоже строго, как настоящая очень большая начальница. – Я помню... Ты что, живёшь здесь?

Значит, не живёт. К кому идёт? Не к Платонычу же...

– Нет, я в гости приходил. А вы? Живёте здесь?

– Тоже нет.

– Тоже в гости? – улыбаюсь я.

Мне приходится остановиться. Не могу же я просто про-  
несть мимо.

– Можно так сказать. У меня мама здесь живёт. Аж на пятом этаже.

– Без лифта не слишком удобно, – сочувствую я.

– Да откуда же лифту взяться, если его изначально не за-  
планировали?

– Но место для него подготовили. Посмотрите, очень даже хорошо войдёт. Так что можно и установить, если директива будет. Ваша мама, думаю, спасибо скажет.

– Мама скажет, это точно. Завтра, пожалуйста, приходи без опозданий. У нас с дисциплиной очень строго.

– Конечно, Ирина Викторовна, буду, как штык.

– Посмотрим, что ты за штык, – усмехается она.

Усмехается, но беззаботности в глазах нет. Зато блеск имеется, как у дикого старательского золота. Буравит меня взглядом, сканирует с головы до ног.

– Ну ладно, Брагин. Беги. Вижу, торопишься. И вот ещё что. В нерабочее время меня лучше называть Ириной. Без отчества. Я же не учительница тебе, правда?

– Правда, – соглашаюсь, улыбаясь. – Вы, Ирина, не учительница, вы намного лучше, чем учительница.

В её глазах я замечаю мимолётную тень заинтересованности, а усмешка превращается в слегка удивлённую улыбку.

– И ты, – говорит она, чуть изогнув одну бровь, – возможно, сможешь стать чем-то лучшим, чем школьник.

Сказав это, она двигается дальше, поднимается по лестнице, уже не обращая на меня внимания.

Я выскакиваю из подъезда и на всех парах бегу в сторону бара. Надо было, чтобы Большак всё-таки подвёз поближе к месту. Вот же я конспиратор, мля... На моё счастье, когда я пробегаю мимо Горисполкома, замечаю за главпочтамтом троллейбус, идущий в мою сторону.

Проезжаю на нём две остановки, и выскочив на Кирова, бегу к «Солнечному». Лишь бы эти уроды были здесь. Я заглядываю за ширму. И они, к счастью, оказываются на месте.

– Привет акулам игорного бизнеса, – говорю я с улыбкой, стараясь, чтобы по моему виду нельзя было понять, что я взволнован и разъярён.

А я действительно разъярён. Вот же он урод. Сука! Собака моя ему понравилась. Что ещё моё он решит забрать себе? Да даже не в том дело, что моё. Это же живое существо и с ним нельзя, как с вещью. У него и психологическая

травма может быть. Он испугался, естественно. Оказался в неизвестной и непонятной обстановке. Опять же, как он его схватил так быстро и беззвучно? Набросил на него сеть? Или что-то типа одеяла, чтобы не прокусить было! А может, накинул на шею удавку? Урод! Приманил, сука?

Кажется, моё появление не слишком радует молодых предпринимателей. Я замечаю некоторые признаки недовольства. Впрочем, они стараются не показать, что не особенно мне рады.

– Здорово, Бро, – кивает Каха. – Ты говоришь с Пашей Цветом скорефанился?

– Да как скорефанился? Просто поговорили, шашлык поели и все дела. Быстро новости летают.

– У нас всё быстро. Сам понимаешь, город небольшой. Не Москва, как-никак. Ну чё, когда ставить будешь?

– Поставлю. Скоро начну, не будете знать, как от меня избавиться.

– Да ладно, зачем избавляться, ты ж нам деньги свои принесёшь. Третью того, что принесёшь, наша. Нормально, же?

– Нормально. Договор есть договор. Всё железно. Слушайте, пацаны, дело есть. Мне надо срочняк с Киргизом увидеться. Вот прямо позарез и прямо сейчас. А я забыл адресок его спросить, когда договаривались. Можете выручить?

– Я не знаю, – сразу заявляет Каха. – Спрашивай у Рыжего.

– Кирилл, – обращаюсь я к нему. – Ну чего? Скажешь?

Тот молчит, соображая, что ответить, а потом машет го-

ЛОВОЙ.

– Не. Как я могу без его разрешения? У него спрашивай.

– Блин, Рыжий, ну ты интеллеktуал, в натуре. Как я у него спрошу, если я адреса не знаю. А мне позарез надо, пардон за повторение. Позарез и сейчас. Промедление смерти подобно. Все на штурм Зимнего. Давай, не крути задом. Говори адрес.

– Нет, – не соглашается он. – Чтобы он меня потом на куски порезал? Мне такое не надо. Ну, нах...

– Надо, Рыжий, надо. Говори уже давай. И, я предвижу, что он тебя скорее на куски порежет, если ты мне не скажешь адрес. Впрочем, поручиться не могу. Рискуй, если хочешь. Можешь сам меня к нему отвезти. Ты тачку починил уже?

– Да пошёл ты, – шипит он.

– Короче, мне что начинать тебе пальцы выламывать? – начинаю терять я самообладание и рявкаю. – Говори уже!

– Береговая 217 В, – выпаливает он.

– Ну вот. Это где, на том берегу что ли?

– Да, у нового моста.

– Спасибо, брат. Так что, может подвезёшь?

– Машина в ремонте, – зло отвечает он.

– Ну ладно, и на том спасибо. Бывайте, ребята.

Я выхожу на улицу и подхожу к краю дороги. Машин мало. Можно проторчать здесь долго. Да и в такой шанхай не каждый захочет ехать. Так и есть. Водитель «Москвичонка» выглядит перепуганным и когда слышит куда именно мне на-

до, молча жмёт по газам.

Я машу всем, кто в это время проезжает мимо, кроме скорой и милиции. Наконец, останавливается «буханка» с надписью «Горгаз» и призывом «При утечке газа звонить 04». Апатичный водитель лет пятидесяти безо всяких эмоций произносит только одно слово»

– Сколько?

– Туда и обратно десять, – говорю я, не желая мелочиться.

Он молча кивает.

– Там надо будет подождать несколько минут, – говорю я.

Он снова кивает и трогает. Минут через двадцать натужного шума двигателя мы оказываемся на плохо освещённой улице.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.